

Новые
решения
для государственного
управления

Состояние и актуальные потребности беларусских организаций гражданского общества (ОГО) в ситуации политического кризиса

Мониторинг: январь — июль 2022 года

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
1. ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ БЕЛАРУССКОГО ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ПЕРИОД 2021-2022 ГОДОВ	4
1.1 Исследования условий деятельности организаций гражданского общества	4
1.1.1 Нормативно-правовой аспект и действия государства по отношению к структурам гражданского общества.....	4
1.1.2 Отношение граждан к общественным организациям	7
1.2 Исследования проблем организаций гражданского общества.....	8
1.3 Исследования потребностей организаций гражданского общества	11
2. ОЦЕНКА СИТУАЦИИ В СФЕРЕ ОРГАНИЗОВАННОГО ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ПОТРЕБНОСТЕЙ ОРГАНИЗАЦИЙ	13
2.1 Динамика ситуации в Беларуси и влияние на сектор ОГО	13
2.1.1 Война в Украине и ее влияние на белорусские ОГО	15
2.2 Структура сектора белорусских ОГО	17
2.3 Особенности внутренней деятельности организаций: доступ к целевым группам, повестка, планирование, коммуникация и взаимодействие	19
2.4 Основные проблемы и вызовы.....	21
2.5 Взаимоотношения с властями, политическими и другими акторами	23
2.6 Потребности ОГО в поддержке.....	25
2.7 Удовлетворенность существующими программами поддержки и отношения с донорами.....	26
3. НИЗОВЫЕ АКТИВИСТЫ И СООБЩЕСТВА: РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСА	28
3.1 Ситуация в активистских сообществах.....	29
3.2 Проблемы и потребности сообществ	33
3.3 Сферы деятельности, проблемы и потребности активистов.....	37

ВВЕДЕНИЕ

Данный текст представляет собой второе регулярное дополнение к исследованию «Состояние и актуальные потребности белорусских организаций гражданского общества (ОГО) в ситуации политического кризиса», которое описывало состояние и потребности ОГО Беларуси в 2020-м и в первой половине 2021 года. Цель этого дополнения – провести оценку актуального состояния, а также описать изменения, которые произошли с гражданским обществом Беларуси в первой половине 2022 года. Помимо анализа состояния и ситуации в организованном гражданском обществе Беларуси, в тексте представлен обзор других исследований, которые проводились по теме гражданского общества в Беларуси в период 2021–2022 гг., а также результаты анкетного опроса низовых инициатив и активистов, которые мобилизовались либо возникли в Беларуси с началом политического кризиса и, несмотря на репрессии, продолжают действовать и в настоящее время.

Эмпирической базой для анализа в рамках данного мониторинга являются:

1. Тексты исследований по теме гражданского общества в Беларуси, проведенные различными авторами и инициативами в период 2021-2022 гг.
2. Фокус-группы (2), проведенные в октябре 2022 года онлайн с представителями ОГО из разных тематических секторов и организаций, занимающихся развитием ОГО.
3. Полуструктурированные интервью (7) с экспертами и представителями различных («старых» и «новых», находящихся в Беларуси и за ее пределами) ОГО (октябрь 2022 года).
4. Онлайн-опрос 116 активистов местных сообществ при помощи одной из инициатив, занимающихся местными сообществами (сентябрь 2022 года).
5. Включенное наблюдение авторов исследования, которые вовлечены в различные активности гражданского общества в Беларуси.

1. ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ БЕЛАРУССКОГО ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ПЕРИОД 2021-2022 ГОДОВ

Для обзора исследований в сфере белорусского гражданского общества были отобраны публикации, которые, по мнению авторов, могут помочь лучше понять происходящие в нем процессы. Мы стремились найти все публикации, однако допускаем, что какие-то исследования в силу либо их закрытого характера, либо специализированной направленности остались вне фокуса данной работы.

Отобранные публикации (порядка десяти) могут быть условно разделены на три тематические группы:

1. Исследование условий деятельности организаций гражданского общества
2. Изучение вызванных ухудшением внешней среды проблем
3. Анализ потребностей ОГО

Рассмотрим содержание исследований в каждой из трех групп.

1.1 Исследования условий деятельности организаций гражданского общества

Внешняя среда деятельности гражданского общества, вероятно, является наиболее изученной. В частности, публикации в этой области касаются нормативно-правового регулирования деятельности организаций гражданского общества (ОГО) и действий государства, главным образом, репрессий. Существуют также исследования, касающиеся отношения к гражданским структурам самих граждан.

1.1.1 Нормативно-правовой аспект и действия государства по отношению к структурам гражданского общества

Одним из наиболее детальных и системных исследований условий деятельности гражданского общества в Беларуси в 2021 году является отчет «CSO Meter»¹, опубликованный Европейским центром некоммерческого права² в августе 2022 года. На основе интервью с представителями ОГО и экспертных оценок проводится анализ условий по 11 параметрам.

Согласно отчету, существенно ухудшилась *ситуация со свободой ассоциаций*. Государство практически приостановило регистрацию новых организаций и ликвидировало около 20% существующих, включая крупнейшие в своих сферах. Сотни организаций находятся в процессе ликвидации, многие сократили активность в условиях репрессий. Для ограничения свободы ассоциаций белорусские власти активно используют законодательство в сфере борьбы с экстремизмом и отмыванием денег. Сохраняются и

¹ Отчет «CSO Meter» <https://csometer.info/sites/default/files/2022-08/CSO%20Meter%20Belarus%20Country%20Report%20ENG%200-2.pdf>

² European Center for Not-for-Profit Law Stichting (ECNL) <https://ecnl.org/>

существовавшие ранее ограничения. Например, иностранные граждане не имеют права открывать общественные организации.

По-прежнему существуют проблемы в области *равенства перед законом*. Условия для регистрации ОГО сложнее, чем для коммерческих структур. Внутри гражданского сектора также существует диспропорция, заключающаяся в создании специальных благоприятных условий для ГоНГО (организованные государством негосударственные организации). Государство создает для них специальные финансовые преференции. Так, в марте 2021 года был опубликован список лояльных власти организаций, которые могут оплачивать только 10% аренды, если помещение принадлежит государству.³ Некоторые организации, например БРСМ, финансируются напрямую из государственного бюджета, другие могут получать финансирование от коммерческих организаций по более выгодной схеме налогообложения.

В сфере доступа к финансированию не произошло значимых законодательных изменений, однако, как отмечают авторы, практика их применения ухудшилась. Финансирование гражданских активностей классифицируется как финансирование экстремизма, терроризма и массовых беспорядков. Под предлогом борьбы с неуплатой налогов государство еще больше сокращает возможности организаций получать деньги. Сохраняется также необходимость получать разрешение на получение денег из-за рубежа, не существует открытой и конкурентной системы государственного финансирования.

В отчете подчеркивается, что в Беларуси отсутствует свобода собраний. Мирные собрания рассматриваются как массовые беспорядки и грубое нарушение общественного порядка и пресекаются грубой силой. В течение отчетного периода фиксируются случаи срыва проводимых ОГО мероприятий и ареста их участников.

Показано, что ухудшилась ситуация с правом граждан на *участие в принятии политических решений*. Общая атмосфера репрессий привела в числе прочего к самостоятельной минимизации взаимодействия с государством. Также государство сокращает участие ОГО в общественных советах. Например, в совете при Департаменте по гуманитарной деятельности и Национальном совете по гендерной политике. После ликвидации государством Белорусского Хельсинкского Комитета (БХК) гражданское общество потеряло представительство в республиканской общественной наблюдательной комиссии при Министерстве юстиции.

Свобода слова резко ограничена как в публичном пространстве через репрессии против медиа, так и на личном уровне, путем наказания за содержание личных соцсетей и переписок. Акты свободы слова и высказывания несогласия классифицируются властями как распространение экстремистских материалов, разжигание ненависти, пропаганда нацизма и оскорбление должностных лиц. Данные ограничения распространяются на ОГО также, как на политических активистов, правозащитников и любых граждан.

³ Постановление Совета Министров Республики Беларусь №168 от 25 марта 2021 г.
<https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22100168&p1=1&p5=0>

7 мая 2021 г. был принят закон «О защите персональных данных», содержащий позитивные изменения.⁴ Однако на практике *ситуация с неприкосновенностью личной жизни* значительно ухудшилась. Силовые органы регулярно вмешиваются в личную жизнь граждан, включая активистов ОГО, например, во время записи «покаянных видео» или наказаний за отказ разблокировать телефон. Напротив, личные данные силовиков, судей и чиновников, участвующих в репрессиях, скрываются. Правила работы с персональными данными фактически невыполнимы для ОГО из-за специфики деятельности. Так, с 2021 года, согласно требованиям законодательства по борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма, часть организаций должны подавать большие отчеты о своей деятельности, доходах и расходах. Некоторые из них были принудительно ликвидированы из-за технических ошибок в документации или утверждений государственных органов, что эти отчеты неполные. Кроме того, государственные органы часто требуют подробной информации об участниках ОГО, которая затем может быть использована для репрессий.

Государство не обеспечивает *защиту организаций гражданского общества, не поддерживает их* и резко сокращает *сотрудничество*. В сфере цифровых прав тенденция также негативная: государство стремится установить цензуру и контроль в интернете.

В целом авторы отчета характеризуют ситуацию 2021 года как продолжение политического кризиса 2020 года. В отчетном периоде политические репрессии приобрели институциональный характер; была объявлена целенаправленная кампания против организаций гражданского общества, правительство Беларуси демонстративно заявило о выходе из программы Восточного партнерства, хотя и не сделало этого. Было закрыто множество организаций гражданского общества, против активистов использовали аресты, обыски, люди были вынуждены бежать за границу. Словом, условия для деятельности ОГО в Беларуси значительно ухудшились.

К аналогичным оценкам ситуации приходят и другие авторы.

Например, в опубликованном в 2022 году обзоре для Белорусского ежегодника «Гражданское общество: тотальная зачистка при сохранении доверия общества»⁵ Вадим Можейко выделяет пять основных тенденций происходящего с организациями гражданского общества (ОГО) в 2021 году.

1. В апреле 2021 года А. Лукашенко и В. Макей анонсировали идею устранения гражданского общества. В ходе последовавшей «зачистки» власти ликвидировали 384 (на тот момент) организации, завели ряд уголовных дел. Таким образом, многие ОГО лишились возможности законно действовать на территории Беларуси.
2. Избежавшие репрессий структуры снизили активность и стали менее публичными, что сказывается на эффективности работы с целевыми аудиториями.
3. Другая часть организаций и их активисты вынуждены были уехать за рубеж и сталкиваются с проблемами переформатирования своей деятельности.

⁴ Закон Республики Беларусь № 99-З от 7 мая 2021 г. <https://etalonline.by/document/?regnum=h12100099>

⁵ Можейко В. Гражданское общество: тотальная зачистка при сохранении доверия общества <https://nmnby.eu/yearbook/2022/page13.html>

4. По распоряжению А. Лукашенко власти создали подконтрольные организации, имитирующие структуры гражданского общества.
5. Однако опросы общественного мнения показывают, что организации гражданского общества сохраняют высокий уровень общественного доверия в сравнении с государственными структурами.

В обзоре **Human Rights Watch «Беларусь. События 2021 года»**, опубликованном⁶ в январе 2022 года, воздействие, которому подверглось белорусское гражданское общество, также названо «зачисткой». Авторы фиксируют масштабные репрессии сразу в нескольких областях общественной деятельности. К тюремным срокам приговорили десятки правозащитников, включая активистов Правозащитного центра «Весна». В 2021 году Беларуская ассоциация журналистов (БАЖ) задокументировала более ста произвольных задержаний сотрудников СМИ, минимум 26 оказались за решеткой по политически мотивированным уголовным делам. Репрессии коснулись также адвокатского сообщества, авторы фиксируют по меньшей мере 32 случая произвольного аннулирования адвокатских лицензий.

Аналогичные тенденции в динамике репрессий фиксирует **Lawtrend Monitor**⁷ в ежемесячном бюллетене.

Авторы сборника **«Построение гражданского общества»**⁸, опубликованного в конце декабря 2021 года Центром европейских исследований Вильфрида Мартенса и Фондом имени Конрада Аденауэра, также помещают ситуацию в секторе в общий контекст политического кризиса и репрессий. Статьи этого сборника главным образом содержат обобщенное описание ситуации в стране и репрессий против ОГО. В нескольких текстах⁹ подчеркивается важность международной поддержки белорусского гражданского общества, также анализируется¹⁰ роль женщин в протесте и в структурах гражданского общества, вписывая этот феномен в общемировой тренд активизации женских движений в качестве катализатора социальных изменений.

Таким образом, детальное исследование CSO Meter, а также ряд аналитических и обзорных материалов фиксируют существенное ухудшение условий для организаций гражданского общества в Беларуси. Политический кризис 2020 года вылился в институционализацию политических репрессий и государственную кампанию по уничтожению / зачистке структур гражданского общества.

1.1.2 Отношение граждан к общественным организациям

Рассмотренные выше публикации касаются в основном внешней среды ОГО, связанной с действиями государства: репрессиями, ужесточением законодательства и

⁶ Беларусь: «Зачистка» гражданского общества <https://www.hrw.org/ru/news/2022/01/13/380808>

⁷ Электронный бюллетень Lawtrend Monitor <https://www.lawtrend.org/?s=LawtrendMonitor>

⁸ Сборник «Построение гражданского общества» <https://www.martenscentre.eu/wp-content/uploads/2022/01/Building-a-Civil-Society-in-Belarus.pdf>

⁹ «Люди на грани: может ли гражданское общество спасти Беларусь?»; «Белорусское гражданское общество нуждается в нашей поддержке» из сборника выше.

¹⁰ «Стремление к переменам в Беларуси: роль женщин и гражданского общества» из сборника выше.

попытками создать альтернативные структуры. В этом смысле хорошим дополнением является исследование «Эффективность и влияние программ гражданского образования на белорусов»¹¹, опубликованное Организацией европейской экспертизы и коммуникаций (ОЕЭК) в декабре 2021 года и предлагающее анализ некоторых характеристик другой составляющей внешней среды – самого общества. Исследование отличается также широкой эмпирической базой: был проведен онлайн-опрос по национальной выборке (n=1005), опрос участников программ гражданского образования (n=53), а также 4 фокус-группы с участниками и неучастниками таких программ и 9 полуструктурированных интервью с представителями организаций, предлагающих программы гражданского образования.

Исследование показало широко распространенное, но размытое знание о гражданском образовании. Так, большинство белорусов (70%) отметили, что знакомы с таким понятием, а наиболее популярными представлениями о его содержании оказались знание прав и обязанностей граждан (34%) и юридическая грамотность (23%). Как население в целом, так и организаторы таких программ часто понимают под гражданским образованием любое неформальное образование.

Выявлен достаточно высокий запрос на образование такого рода. Половина (50%) отметили, что участвовали в таких программах, еще треть (34%) хотели бы. Основными мотивами являются саморазвитие (38%) и знание своих прав (37%). Основными барьерами – нежелание учиться (26%), недостаточная информированность о таких программах (22%) и отсутствие интереса (22%).

Исследование также позволило оценить эффективность таких программ. Хотя в целом гражданская активность низкая, она выше среди участвовавших в программах гражданского образования в сравнении с теми, кто не участвовал.

Таким образом, исследование показало, что, хотя белорусы редко понимают смысл гражданского образования, у большинства нет к нему негативного отношения, а такие программы позволяют несколько повысить участие в деятельности ОГО. Это может косвенно свидетельствовать о наличии потенциала вовлечения белорусов в деятельность гражданских организаций, однако тема требует отдельного изучения.

1.2 Исследования проблем организаций гражданского общества

Описанные в предыдущей группе исследований условия деятельности гражданских структур ставят перед ними ряд проблем.

Как показало совместное исследование Lawtrend, ОЕЕС и Белорусского Хельсинкского Комитета (БХК) «Давление на белорусские организации гражданского общества в период массовых репрессий»¹², опубликованное в ноябре 2021 года,

¹¹ Как гражданское образование влияет на белорусов и белорусок? (результаты исследования) <https://oeec.ngo/opinions/civic-education-research/>

¹² Давление на белорусские организации гражданского общества в период массовых репрессий (результаты опроса) <https://oeec.ngo/opinions/research/pressure-on-belarusian-organizations/>

большинство организаций испытывают проблемы с легальным статусом. Авторы исследования опросили 108 человек из 97 организаций.

На момент опроса наиболее распространенной формой регистрации было учреждение (57%), на втором месте общественные объединения (32%). Среди принудительно ликвидированных организаций¹³ структура организационных форм аналогичная. Это означает, что проблемы с легальным статусом структуры гражданского общества испытывают независимо от формы регистрации. Среди опрошенных 62% сообщили о принудительной ликвидации, 34% – об обысках, 31% – о проверках. Это три наиболее распространенных способа государственного давления.

Тема проблем организаций гражданского общества подробно исследуется в первом дополнении нашего (BIPART) регулярного мониторинга «Состояние и актуальные потребности белорусских организаций гражданского общества (ОГО) в ситуации политического кризиса. Мониторинг: июль – декабрь 2021 года» (2022)¹⁴. Анализ основан на данных, полученных после проведения полевого исследования (круглый стол с 30 представителями ОГО, находящимися как в Беларуси, так и за ее пределами, а также 8 интервью с активистами, занимающимися развитием третьего сектора). Согласно полученным данным, главной проблемой ОГО в этот период является обеспечение физической и цифровой безопасности. Многие активисты проходят по уголовным делам, другие испытывают стресс и психологические проблемы из-за сложившейся ситуации.

Другой важной проблемой является сложность стратегического планирования. Хотя некоторые организации, как правило, из числа тех, кто уехал за границу некоторое время назад, уже планируют деятельность на 2-3 года, ситуация неопределенности характерна для большинства организаций. Из-за разорванных связей, перехода к непубличности, прекращения сотрудничества с государством, а также переезда за рубеж многие ОГО сталкиваются со сложностями или вообще невозможностью контактировать со своей целевой аудиторией.

Актуальной проблемой остается вопрос финансирования, учитывая, что трансфер международной поддержки на территорию Беларуси сильно усложнился.

Специфическими проблемами организаций, работающих вне Беларуси, является необходимость доказывать, что они имеют отношение и могут представлять белорусов (например, посылать белорусских студентов на программы обмена Erasmus+), работать по новым для себя законодательным требованиям (например, бухгалтерского учета), сложности с поиском новых сотрудников, а также текущие проблемы по организации переезда и легализации.

¹³ Мониторинг «Ликвидация ОГО 2021-2022»

https://docs.google.com/spreadsheets/d/1qHDjDaoq1Fz9TnVsbTlh-sFbWP_4U1faraytI8AuKXM/edit?usp=sharing

¹⁴ Состояние и актуальные потребности белорусских организаций гражданского общества (ОГО) в ситуации политического кризиса. Мониторинг: июль – декабрь 2021 года https://sympa-by.eu/sites/default/files/library/cso_needs_update_2021_rus.pdf

Другой аспект проблем ОГО изучили авторы исследования «Условия труда в НГО во время кардинальных изменений внешней среды»¹⁵. Авторы опросили 158 сотрудников и волонтеров в июле 2022 года. Исследование фиксирует высокие нагрузки на работников ОГО: 54% ощущали проблемы со здоровьем из-за своей активности, 55% ходили к психологу, 74% чувствуют опасность из-за угрозы применения статьи о незаконной деятельности общественных организаций.

Значительная часть сотрудников (40%) отметили, что в сравнении с первой половиной 2020 года сегодня снизилась рабочая нагрузка, что может означать снижение доходов. Большинство (60%) считают, что работа в сфере гражданского общества связана с более низкими социальными гарантиями, чем в других сферах, 60% не рассчитывают на пенсию. При этом сотрудники ОГО остаются достаточно мотивированными: средняя мотивация – 7 баллов по 10-балльной шкале. Основные мотивы участвовать в деятельности организаций: демократические изменения, улучшение жизни сообществ и решение общественных проблем на уровне страны. Эти данные можно соотнести и с выводом одного из авторов **Беларусского трека перемен**¹⁶, который называет веру в возможность улучшений одним из важных факторов выживания гражданского общества.

Юридический аспект условий труда, в частности, право на социальные гарантии, детально проанализированы в исследовании Lawtrend «Трудовые и социальные гарантии для работников и волонтеров некоммерческих организаций»¹⁷, опубликованном в августе 2022 года. Авторы отмечают проблемы как на уровне законодательства, так и на уровне подходов руководства организаций и доноров к этому аспекту.

Беларусский Трудовой кодекс предусматривает множество гарантий для лиц, с которыми оформлены трудовые отношения: минимальная зарплата, выплаты, своевременность оплаты и т.д. Однако зачастую из-за проектного характера организации работы или политики доноров ОГО вместо трудовых договоров заключают гражданско-правовые, предусматривающие значительно меньше социальных гарантий работникам. Что касается волонтеров, то их деятельность в Беларуси фактически не регулируется, а значит, права не защищены. Например, эта деятельность не учитывается в трудовом стаже, влияющем на размер пенсии.

Законодательство по охране труда не учитывает специфику ОГО. Оно содержит жесткие требования к стажировкам, наличию ответственных лиц, инструктажам и другим задачам независимо от размера и характера деятельности организации. Для многих ОГО это большая дополнительная нагрузка и одна из причин не заключать трудовые договора. Проектный характер финансирования и жесткое регулирование процесса получения денег от доноров к конечному получателю выливается в ситуацию, когда организациям сложно накапливать ресурсы, например, для премирования или оплаты пособий. Поскольку человеческий ресурс является базовым для ОГО, улучшение в аспекте трудовых отношений может увеличить эффективность организаций в достижении их миссий, усилив

¹⁵ Исследование еще не опубликовано.

¹⁶ Беларусский трекер перемен <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/belarus/19564.pdf>

¹⁷ Трудовые и социальные гарантии для работников и волонтеров некоммерческих организаций https://www.lawtrend.org/wp-content/uploads/2022/08/labor_ngo_brochure.pdf

гражданское общество в целом. Для этого авторы исследования включили ряд рекомендаций для основных стейкхолдеров.

Таким образом, исследования проблем, с которыми сталкиваются организации гражданского общества в период 2021–2022 гг., охватывают широкий спектр тем. Сюда относится сфера нормативно-правового регулирования деятельности ОГО, организационные проблемы, вопросы финансирования, легализации и условий труда в таких организациях. Интересным направлением дальнейших исследований может быть изучение способов преодоления этих проблем.

1.3 Исследования потребностей организаций гражданского общества

В контексте меняющихся внешних условий и вызванных ими новых проблем важным направлением исследований является анализ изменений в потребностях организаций гражданского общества.

На эту тему ОЕЕС и Lawtrend выпустили в январе 2022 года исследование «**Анализ потребностей белорусских организаций гражданского общества**»¹⁸. С 29 ноября по 10 декабря 2021 года авторы опросили 73 представителя ОГО и индивидуальных экспертов, большинство из которых работали на момент опроса в Беларуси.

Согласно этой работе, наиболее частая потребность, как на уровне активизма (71%), так и на личном уровне (72%), – обеспечение физической и цифровой безопасности. Затем среди потребностей активизма большинство отмечают финансирование: поддержку проектов (69%) и институциональную поддержку (56%). Среди личных потребностей больше половины указывают медицинское страхование (56%), получение легального статуса (53%) и съем жилья в новой стране (51%).

Исследование также показывает, что, несмотря на изменившиеся условия, большинство продолжают работать из Беларуси (65%), а цели организации остались прежними (60%).

Другое исследование потребностей гражданского общества – это «**Международная поддержка демократической Беларуси: оценка потребностей**»¹⁹. Здесь авторы предлагают классификацию потребностей в зависимости от приоритетности. Так, для сектора правозащитных инициатив и организаций гражданского общества к краткосрочным потребностям авторы относят поддержку репрессированных, остающихся в стране активистов, финансовая и консалтинговая помощь бежавшим за границу ОГО. Среди среднесрочных потребностей авторы выделяют поддержку организационного и стратегического планирования, укрепления связей между организациями. Авторы также предлагают собственную оценку финансовых потребностей сектора.

Таким образом, хотя тема потребностей организаций гражданского общества после начала политического кризиса в 2021-2022 гг. затрагивается во многих публикациях, ей

¹⁸ Исследование не опубликовано.

¹⁹ Исследование не опубликовано.

посвящены только два специальных исследования. Их результаты позволяют оценить ситуацию в первом приближении, однако тема требует более детального анализа как в области выявления потребностей, так и в способах их реализации.

Резюмируя, можно сказать, что в 2021-2022 гг. выпущено более десятка исследований и аналитических публикаций, касающихся белорусского гражданского общества в данный период. Большинство из них посвящены изучению внешней среды, в частности, связанной с деятельностью государства: репрессиям, ухудшению законодательной рамки, попыткам создать альтернативные прогосударственные структуры.

Системный обзор публикаций позволяет выделить несколько потенциальных направлений дальнейшего изучения:

1. Поскольку большинство исследований посвящены ситуации в 2021 году, актуально продолжать мониторинг, изучая события 2022 года уже после государственной кампании по уничтожению ОГО.
2. Аспект внешней среды, связанный с действиями государства, изучен достаточно полно. Дополнительного изучения требует аспект, связанный с общественной средой – отношением самих граждан к ОГО, активизму и их потребностям в данной сфере.
3. Существующие исследования позволяют в первом приближении оценить потребности организаций, но дальнейшие исследования могут детализировать знания в этой области. Это могут быть как углубленные изучения определенных потребностей, так и расширение тематики.

Большинство исследований направлены на изучение проблемных аспектов деятельности. Вместе с тем, продуктивным направлением может быть изучение успешных практик реализации целей или преодоления кризисных ситуаций. Такие исследования могут помочь выделить эффективные инструменты и стратегии, которые могут быть масштабированы или переняты другими организациями.

2. ОЦЕНКА СИТУАЦИИ В СФЕРЕ ОРГАНИЗОВАННОГО ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ПОТРЕБНОСТЕЙ ОРГАНИЗАЦИЙ

Для оценки ситуации в организованном гражданском обществе Беларуси в первой половине 2022 г. были проведены две фокус-группы, а также семь интервью с представителями ОГО. Необходимо отметить, что проведение как фокус-групп, так и интервью было осложнено тем, что участники находятся в разных странах, а некоторые – в Беларуси. В последнем случае необходимо было учитывать высокие риски по безопасности в связи с чувствительностью исследования. Показательно, что ряд запросов к представителям ОГО в Беларуси с просьбой об интервью остался без ответа. В ходе фокус-групп и интервью участники/участницы высказали свое мнение по ряду тем, которые касались гражданского общества и их оценок происходящих в нем процессов.

2.1 Динамика ситуации в Беларуси и влияние на сектор ОГО

По мнению участников/участниц фокус-групп и интервьюируемых, ситуация для ОГО в Беларуси остается крайне сложной и далекой от нормы. Однако в некоторых случаях (преимущественно для организаций, которые находятся за рубежом) ее можно назвать **“рутинизацией кризиса”**. Политический кризис в Беларуси не разрешен, организации живут и работают в условиях высокой неопределенности, но постоянное изменение обстоятельств стало привычным, и часть живущих за границей лидеров ОГО и гражданских активистов приспособились к жизни в этих условиях. Принятие ситуации и планирование работы в ней характерно в большей степени для релоцированных организаций: те из них, которые в предыдущий период не регистрировались за рубежом в надежде на скорое возвращение, теперь стали этим заниматься. У них появилась возможность планировать свою деятельность в новых условиях. Вместе с тем представители организаций внутри страны говорили о том, что для них ситуация по-прежнему является «глубоким кризисом», в котором возможно исключительно краткосрочное (от месяца до трех) планирование. В их случае никуда не делись и даже возросли тревожность, страх и недоверие, в том числе внутри самого гражданского общества – между организациями и активистами, что может объясняться возрастающими репрессиями.

Согласно полученным данным, в Беларуси государство дает возможность работать некоторым **“выжившим”** организациям. Так, в условиях фрустрации, проверок и давления, а также применения языка вражды (hate speech) со стороны официальных лиц и государственных СМИ, ОГО, тем не менее, могут продолжать свою деятельность, а также в некоторых случаях им регистрируют гранты и финансовую поддержку из-за рубежа. Однако параллельно наблюдаются признаки того, что у органов власти есть намерения заместить третий сектор и его активности некой государственной (или полностью подконтрольной государству) структурой либо структурами. Так, в феврале 2022 года первый секретарь БРСМ заявил о готовности Союза занять место ликвидированных ОГО, в частности, приступить к решению экологических вопросов²⁰. В этом же ключе 22 августа 2022 года Александр Лукашенко говорил о необходимости создания единого

²⁰ Можно ли заменить ликвидированные в Беларуси экологические организации?

<https://greenbelarus.info/articles/22-02-2022/mozhno-li-zamenit-likvidirovannye-v-belarusi-ekologicheskie-organizacii>

благотворительного фонда, который заместил бы ОГО, работавшие ранее в этой сфере²¹. Интервьюируемые говорили о том, что во время проверок функционирующих в Беларуси организаций, проверяющие много внимания уделяли именно операционным вопросам их работы. По одному из мнений, это можно оценивать как попытку государственных структур перенять хорошие практики ОГО, скопировав алгоритмы / процедуры их действий, отчетности и мониторинга по поступающим из-за рубежа финансовым средствам, а затем либо кооптировать, либо закрыть эти организации и создать подконтрольную государству структуру псевдогражданского общества, которая будет аккумулировать все поступающие из-за рубежа средства для гражданского общества.

Параллельно отмечалось, что, несмотря на все репрессии, в Беларуси в 2022 году отмечались случаи регистрации новых инициатив в различных организационно-правовых формах (в частности, учреждений), а также случаи новой регистрации ранее ликвидированных организаций. Причем эти инициативы смогли начать свою деятельность и даже привлекать пожертвования. Однако здесь речь идет скорее об отдельных случаях, чем о тенденции.

Рассуждая о том, какие организации сохраняют возможность работать в Беларуси вопреки репрессиям, высказывалось несколько предположений. Во-первых, это ОГО работающие в определенных секторах (чаще всего в социальном), а также с определенными целевыми группами, как правило, социально уязвимыми слоями населения: детьми, людьми с инвалидностью, пожилым населением и пр., т. е. с теми, кому требуется оказание дополнительных услуг, которые не всегда хочет и может оказывать государство. Однако секторальный принцип работает только при соблюдении второго критерия – отсутствия у главы и актива организации «политического следа»: опыта участия в протестах и политической деятельности (причем не столько реального, сколько предполагаемого / подозреваемого со стороны чиновников и госорганов). В-третьих, влияет фактор наличия легализованного финансирования и его размеров. В случаях, если организации получают финансирование легально и оно находится на их счетах, по мнению интервьюируемых, шансы на сохранение деятельности ОГО в Беларуси сохраняются. При этом важно, что все эти факторы могут быть легко нивелированы в случае политического решения, и организации, продолжающие свою деятельность в Беларуси, все равно находятся под постоянной угрозой репрессий и ликвидации. Характерно, что при этом со стороны самих представителей организаций звучали сомнения и размышления о целесообразности собственной деятельности по поддержке социально уязвимых групп, поскольку это может приводить к стабилизации кризисных (экономических и политических) тенденций, создания «подушки безопасности» для амортизации для государства недовольства со стороны различных социальных групп.

Репрессивный контекст внутри Беларуси создает ситуацию, когда представители организаций говорят о слежке и контроле за ними спецслужб, как о своей каждодневной

²¹ Лукашенко поручил создать единый благотворительный фонд, но под своей «крышей»
<https://news.zerkalo.io/economics/20454.html>

реальности.²² Также в нескольких интервью звучали предположения об идеологическом контроле, когда у госорганов могут быть списки «благонадежных» и «неблагонадежных» организаций и активистов, которых можно или нельзя приглашать на мероприятия, например, в образовательные учреждения. Говорилось также и о запрете для государственных организаций и предприятий работать с некоммерческими организациями и инициативами и о разрыве работавших ранее партнерств.

Кроме того, указывалось на отток человеческого ресурса из гражданского общества, когда после прекращения деятельности и ликвидации организаций люди были вынуждены уходить в другие секторы – в частности, в IT-сектор – и осваивать там новые специальности.

В случае релоцированных организаций ситуация в Беларуси влияет на них тем, что для многих руководителей, сотрудников и членов ОГО невозможны визиты в страну, встречи со своими родными и близкими, а некоторые находятся под преследованием или угрозой преследования.

2.1.1 Война в Украине и ее влияние на белорусские ОГО

К началу 2022 года релоцировавшиеся ОГО в основном «пережили» критический период, так или иначе определили дальнейший способ существования, запустили процессы налаживания функционирования и т.п. Однако в феврале 2022 года начало войны в Украине снова на время выбило из колеи многие организации, но скорее психологически. Уже летом-осенью большая часть ОГО снова вернулись к своим «предвоенным» повесткам и задачам, хоть и с корректировками и дополнениями.

Для части организаций и их команд в этот период встал вопрос вторичной релокации (из Украины, а в некоторых случаях из Грузии). Вторая релокация стала для организаций сложной, что связано как с прямой физической угрозой активистам и их семьям, необходимостью выезжать из зоны боевых действий, так и с организационными моментами, например, закрытием банковских счетов организаций и людей в Украине, необходимостью во второй раз переезжать и заново обустраиваться в других странах.

В Беларуси начало войны и антивоенные выступления привели к возникновению еще одного трека как гражданских активностей (антивоенные выступления граждан), так и репрессивных практик со стороны государства (еще большему подавлению и ограничению любой гражданской активности). Институциональные условия для ОГО в Беларуси меняются вне зависимости от разворачивания войны в Украине, однако есть побочные эффекты, которые сильно задевают белорусских активистов: объективные (санкционная политика, в результате которой актуализируется, в первую очередь, визовый вопрос) и субъективные, психологические (чувство вины за участие страны в войне, внешние призывы и связанные с этим претензии и пр.). Интервьюируемые, которые по-прежнему находятся в Беларуси, указывали на серьезный ценностный конфликт в тех случаях, когда

²² В одном из случаев говорилось о том, что активист использует внимание спецслужб и «приглашения» на беседы с ними для того, что заниматься своего рода просветительской работой, продвижением другой ценностной и даже политической повестки.

представители их целевых аудиторий поддержали Россию в войне. Говорилось о сильном разочаровании, эмоционально горьком понимании того, на каких противоположных ценностных и мировоззренческих позициях стоят люди, которые участвовали в программах / проектах ОГО.

“По периметру” Беларуси начало войны в Украине дало толчок для появления или для нового витка развития (а иногда оживления) ряда инициатив. Одной из получивших наибольшую известность стал телеграм-канал “Беларускі гаюн”, который собирает и публикует информацию об активностях на территории Беларуси, связанных с войной. Кроме того, возник ряд волонтерских инициатив, которые создавались для помощи белорусским релокантам. К началу 2022 года этими инициативами была отработана система помощи и наработана некоторая инфраструктура, которая была задействована сразу после начала войны: как для белорусских беженцев из Украины, так и для украинских беженцев. С началом мобилизации в России эти инициативы стали помогать и бегущим от воинской обязанности россиянам.

Возникли проблемы у ОГО, у которых были партнерские отношения с украинскими организациями: блокировка счетов в Украине, изменение планов в связи с тем, что украинские организации сменили на время повестку или запланированные мероприятия стали невозможны. Отношения между белорусскими и украинскими ОГО в целом остались прежними, украинские активисты лучше понимают ситуацию в Беларуси, часто благодарны за поддержку.

Статус Беларуси как страны-соагрессора ухудшает отношение к белорусам в целом, и это сказывается в том числе на деятельности релоцированных организаций и активистов: общее более негативное отношение, психологические проблемы, случаи дискриминации, снижение уровня поддержки на разных уровнях (начиная от бытовых вопросов, наподобие аренды помещения, и оканчивая существующим, по мнению некоторых активистов, сокращением донорской поддержки). Вместе с тем необходимо отметить, что эти явления не имеют массового характера, а белорусские активисты чаще всего относятся к ним с пониманием.

В целом белорусские ОГО пережили начало войны в том же режиме, как и лето-осень 2020 года: в наиболее активный период некоторая часть активистов, реже организации целиком, переключились на решение острых вопросов: оказание помощи, информационную работу, участие в акциях протеста и солидарности. Однако уже летом 2022 года большинство организаций и активистов вернулись к своим повесткам. При этом в одном из интервью говорилось о том, что момент переключения на украинскую повестку можно объяснить психологически, поскольку работа с ней приносила быстрые, понятные и, несмотря на весь ужас ситуации, позитивные результаты (например, помощь конкретным людям). В то время как работа с белорусской повесткой и ее результаты часто либо не видны быстро, либо не могут быть публично озвучены в силу угроз безопасности.

Добавился новый элемент адвокатирирования у ОГО: информационная и лоббистская работа с правительствами, политиками, СМИ и общественным мнением стран, где они сейчас находятся, по разделению действий и установок белорусского режима и

гражданского общества в отношении войны. Эта задача состоит в том, чтобы продвигать нарратив о том, что Беларусь и белорусы не должны рассматриваться как эквивалент Лукашенко.

Можно также отметить такой эффект войны, как спровоцированная белорусизация и новая регионализация. Так, в процессе необходимости отстраивания от “русского мира” для многих активистов актуализировались вопросы перехода на белорусский язык как естественный маркер отличия. Помощь сначала украинским, а потом и российским беженцам создает некоторое новое региональное измерение, которое может иметь дальнейшее развитие в будущем. Параллельно высказывалось мнение о том, что вызванное войной релоцирование за границу российских общественных организаций может создать и уже создает дополнительные линии напряжения для белорусских ОГО: как с точки зрения того, что принимающие страны не будут видеть разницу между ними, так и с позиций конкуренции за ресурсы.

2.2 Структура сектора белорусских ОГО

Структура белорусского гражданского общества сохраняет несколько линий, по которым оно может быть классифицировано, среди которых:

- **Оставшиеся в Беларуси и релоцированные организации**

ОГО в Беларуси (независимо от наличия легального статуса) пребывают в трех состояниях:

- 1) Подпольная или в значительной степени непубличная деятельность
- 2) Приспособление / адаптация
- 3) Консервация / анабиоз

Те организации, которые потеряли регистрацию, работают либо “подпольно”, либо находят другие способы это делать. Сохранившие регистрацию организации продолжают действовать практически как и до 2020 года, но в условиях фрустрации, проверок и давления. При этом часть организаций более или менее активно адаптируется к новым условиям, а некоторые дрейфуют в своем развитии к тому типу, который раньше описывался понятием ГоНГО (такие кейсы есть как минимум в экологической и социальной сфере). Параллельно собеседники из Беларуси называли определенные направления и организации, которые в том или ином виде продолжают свою деятельность в различных сферах, при этом необязательно переходя к коллаборации с властями. Также есть и организации, которые полностью прекратили работу либо находятся в “спящем” состоянии.

В целом, активисты и организации в Беларуси атомизируются, уходят в полуподпольное существование, щепетильно относятся к количеству поддерживаемых связей и контактов как внутри страны, так и вовне. В случае организаций, которые продолжают свою деятельность внутри страны, оценить ее масштабы и характер сложно,

поскольку они избегают не только публично информировать о своей работе, но и делиться информацией с дружескими организациями.

Растет разрыв между активистами в Беларуси и релокантами. Это общее явление, характерное не только для ОГО. Разница условий и образа жизни затрудняет сохранение единства даже в командах организаций, оказавшихся распределенными по разным странам, не говоря уже о партнерствах и отношениях между релоцированными и оставшимися в Беларуси. Релоцировавшиеся организации и диаспоры все больше замыкаются на себе и своих проблемах, развитии и построении отношений внутри сообщества “по периметру” Беларуси, хотя и сохраняют при этом ориентацию на работу с белорусской повесткой и, по возможности, целевыми группами внутри Беларуси. Параллельно с этим территориальным разделением звучало мнение о том, что также значимым критерием разделения третьего сектора и всего белорусского общества является вера в перемены и готовность что-то делать ради них. По этому критерию в гражданском обществе можно выделить тех, кто “отчаялся” и перестал что-либо делать, и тех, кто продолжает работать.

Характерно, что в ходе интервью находящиеся в Беларуси люди с большой горечью высказывались о том, что их уехавшие за границу коллеги либо считают их коллаборантами, либо делают заявления о том, что внутри страны никого и ничего не осталось.

- **Тематическое деление**

По направлениям деятельности и тематике структура сектора сохраняется примерно прежней, но все организации понесли потери: ликвидация юрлиц в Беларуси, репрессии против активистов, мутации в виде трансформации в сторону ГоНГО или советских образцов, заморозка или прекращение деятельности. Можно предположить, что в наибольшей степени пострадали тематические сектора ОГО, работающие с гендерными проблемами, образованием и культурой. Вместе с тем правозащитный сектор, хотя и понес большие потери, но структурно оказался очень устойчив. Социальный сектор меньше потерпел в смысле формальных ликвидаций организаций, однако при этом очень сильно “скукожился” и мутировал. Новым явлением в тематической структуре можно считать организации, которые создаются для помощи и работы с релокантами (белорусскими гражданами, которые вынуждены были уехать из страны) как с основной целевой группой. Также отмечалось, что в тематическом направлении многие релоцированные организации, которые ранее никогда не работали с правозащитной тематикой, переключились на нее либо включили ее в свою миссию. Это объясняется как сложностью работы с прежними целевыми группами, так и объективно существующими потребностями включать данные направления для разных сфер (например, для экологов).

- **“Старые” и “новые” организации**

Разделение на старые, “традиционные” ОГО, и “организации нового поколения”, которые появились в 2020 году и позже, сохраняется, и в некоторых случаях взаимодействие между ними по разным направлениям деятельности, ценностным и

идейным установкам интенсифицируется. Отмечается, что некоторые новые малые инициативы, которые не имели достаточного уровня безопасности, подверглись репрессиям и исчезли. Вместе с тем указывалось, что сохранившиеся дворовые инициативы пробуют взаимодействовать друг с другом.

Институционализация сохранившихся “новых инициатив” приводит их на традиционное для белорусских ОГО поле: они организационно оформляются, выстраивают свои структуры управления, начинают получать донорское финансирование и, по некоторым оценкам, включаются в борьбу за ресурсы. При этом чаще всего активные люди, которые запустили эти инициативы на волне политической мобилизации, пришли из других сфер и мало знают о том, что существовало в “третьем секторе” до 2020 года, и зачастую плохо себе представляют суть и ценности гражданского общества. Это порождает в том числе конфликты и противоречия.

Возникшие в связи с горизонтальной мобилизацией 2020 года “организации нового поколения”, как правило, более активны в PR и маркетинге, активно занимают информационное пространство, мало заняты обеспечением представленности разных организаций и мнений, учетом предыдущего опыта, то есть в некоторых случаях действуют как бизнесы, по некоторым оценкам “побеждая” “старые” организации в инфополе.

При этом “новые” организации не так часто попадают в традиционные сетевые взаимодействия, хотя в некоторых высказываниях самих организаций “нового поколения” приводились примеры создания новых сетей / консорциумов взаимодействия между условно “старыми” и “новыми” организациями, а также “новых” организаций между собой и с партнерами в других странах, включая Украину. Коммуникации “новых” организаций между собой, по мнению одного из интервьюируемых, помогает то, что в них много людей более молодого возраста, которые легче находят друг с другом общий язык.

Необходимо подчеркнуть, что оценка взаимодействия между “старыми” и “новыми” инициативами различается в зависимости от того, к какому типу организаций принадлежат собеседники. Так, в первом случае говорилось о скорее редком взаимодействии, а во втором — как об усиливающемся. Очевидно эти оценки зависят от личного и организационного опыта отвечающих.

2.3 Особенности деятельности организаций: доступ к целевым группам, повестка, планирование, коммуникация и взаимодействие

Доступ к целевым группам

Оставшиеся в Беларуси и выжившие организации сохраняют ограниченный доступ к целевым группам, хотя он и затруднен. Проблемы с этим доступом продолжают испытывать и «подпольные» организации в Беларуси, и релоцированные организации. Зачастую контакт с целевыми группами сложен в силу общей атмосферы страха и недоверия, широкой практики отнесения организаций, СМИ и активистов к спискам «экстремистов» и т.п. Многие целевые группы предпочитают не контактировать с зарубежными

организациями совсем, подстраховываясь «на всякий случай». В случае белорусских организаций за рубежом даже информирование своих целевых групп затруднено.

Проблема с доступом к целевым группам существовала и ранее, но за первое полугодие 2022 года она еще больше обострилась в силу расширения практик наказания за контакты с неудобными организациями и продолжением репрессий. Есть случаи преследования участников/участниц программ, проводимых белорусскими релоцированными ОГО, со стороны спецслужб. Соответственно, перед такими организациями встает дилемма, стоит ли пытаться привозить на зарубежные мероприятия людей из Беларуси.

Параллельно расширилась целевая группа уехавших (это и дети, и релоцированные ОГО, и отдельные категории людей), и для организаций за рубежом нет проблем с доступом к таким целевым аудиториям, а также снижается количество рисков по безопасности в работе с ними. Соответственно, в некоторых случаях происходит переключение инициатив на работу с выехавшими из страны белорусами.

Исключением можно считать «сервисные» правозащитные организации. Во-первых, их целевые аудитории изначально были частично труднодоступны (например, заключенные), а во-вторых, люди, которые нуждаются в помощи таких организаций, сами их находят.

Повестка

Как и ранее, организации в целом сохраняют свою повестку. Многие проводили в рассматриваемом периоде свои стратегические сессии и пересматривали миссии, и по-прежнему оставались в тех же тематических рамках, за исключением правозащитной компоненты, которая продолжает набирать популярность.

Как отмечалось выше, часть организаций стали работать с украинской повесткой, но в целом все ОГО вне зависимости от типа и места нахождения работают с белорусской тематикой.

Планирование

Можно говорить о том, что для выехавших за границу организаций и активистов горизонты планирования стали более отдаленными. Они приняли сложившуюся ситуацию и занялись планированием в этих рамках, считая сам процесс планирования важным. Однако стараются сделать его гибким и реалистичным.

Вне зависимости от места нахождения организации и активисты готовы к тому, что ситуация может меняться резко и непредсказуемо. Также есть готовность к тому, что планы не будут реализованы в задуманном виде.

Коммуникация и взаимодействие между организациями

Собеседники говорили о том, что внутри Беларуси мало коммуникации и доверия между организациями. С другой стороны, если ограниченные «круги доверия» уже созданы, то взаимодействие в них может идти довольно плотно. Увеличивается дистанция между «уехавшими» и «оставшимися» — как организациями, так и людьми, даже внутри одной организации. Релоцированные ОГО больше кластеризуются в зависимости от страны нахождения. И в этом случае контекст страны нахождения оказывает на них большое влияние. Например, говорилось о том, что в Грузии много низовой активистской коммуникации, вместе с тем в Литве можно говорить о коммуникации более политизированной, что связано с наличием в этой стране сильных политических субъектов.

В некоторых случаях (например, в экологической сфере) отмечалось создание новых общих площадок для коммуникации. Также среди самих организаций и активистов улучшается понимание того, с кем и по какой повестке, по каким вопросам можно взаимодействовать. В одном случае приводился пример того, как взаимодействие между организациями для реализации крупного проекта было инициировано самими донорами в достаточно категоричной форме. Само взаимодействие при этом оценивается скорее позитивно, но высказывается сожаление, что организации не смогли инициировать его самостоятельно и получили «толчок извне».

Финансирование

Основное финансирование деятельности организаций осуществляется за счет донорской поддержки. В случае релоцированных организаций чаще фиксируются случаи обращения к практикам иностранного фандрайзинга (Patreon и пр.). Подчеркивается усиление финансовой зависимости от доноров, так как в связи с расширением преследований в Беларуси за финансирование деятельности различных ОГО, которые затем были признаны «экстремистскими», использование краудфандинга в Беларуси в разы снизилась.

2.4 Основные проблемы и вызовы

Говорить о тенденциях и проблемах сектора становится все тяжелее. Фиксируются **множественные разрывы**, связанные с деятельностью, образом жизни и психологическим состоянием между активистами, оставшимися в Беларуси, и уехавшими. Один из собеседников говорил о непонимании ситуации друг друга, о “перетягивании одеяла” на себя, когда, например, белорусские ОГО за рубежом говорят о том, что в Беларуси действовать больше невозможно, там не осталось “никого живого”, а те, кто действуют — это “коллаборанты” с властями. Исходя из этого, последних вроде бы и не нужно поддерживать. Тема взаимодействия с властями является болезненной и важной для тех организаций, которые продолжают работать в Беларуси.

Организации, которые работают распределенно (часть сотрудников релоцировалась, часть осталась в Беларуси или разъехались по разным странам), испытывают **трудности с удержанием целостности**. Начало войны в Украине усилило эти проблемы, поскольку совершенно разным образом меняет условия для белорусов в целом и для активистов ОГО в самой Беларуси, в Украине, России, Грузии, в странах ЕС. И

условия, и вызовы, и форматы работы все больше отличаются не только для релоцировавшихся и находящихся в Беларуси ОГО, но и для белорусских ОГО и активистов в разных странах.

Происходит **увеличение дистанции между активистами и организациями в Беларуси и релокантами**. Место нахождения задает разную повестку, разную оценку ситуации, разную оценку рисков. Неадекватная оценка рисков со стороны релоцированной части команд становится угрозой для находящихся в Беларуси, но и излишняя (по мнению уехавших) осторожность со стороны тех, кто остался, зачастую не дает организации возможности действовать.

Сохраняются, а в некоторых случаях усиливаются **риски по безопасности** как для остающихся в стране, так и для уехавших активистов ОГО. Эти риски включают давление на семьи, арест собственности и пр.

Еще одной проблемой является **отсутствие или недостаток достоверной информации** о том, что происходит внутри страны, как в третьем секторе, так и в обществе в целом.

В целом фиксируется **низкий уровень присутствия ОГО в информационном пространстве**. ОГО и активисты в Беларуси действуют если не в подпольном режиме, то в «режиме тишины». Но и релоцированные ОГО часто не стремятся освещать свою деятельность (из-за вопросов безопасности, оставшихся в Беларуси коллег или близких, из-за статуса «экстремистского ресурса», каковыми являются большинство независимых СМИ, многие онлайн-ресурсы ОГО и т.п.). Повреждены механизмы взаимодействия со СМИ, сами независимые СМИ сильно изменились, а деятельность организаций гражданского общества по-прежнему не находится в фокусе их повестки.

Сохраняется проблема **финансирования деятельности ОГО**. В случае релоцированных организаций -- это высокая степень зависимости от иностранных доноров при минимальных возможностях других источников финансирования (донатов, краудфандинга). В случае организаций внутри страны – сложность получения финансирования из-за рубежа, сложность с его регистрацией (в случае проектов, по которым можно попытаться получить средства в Беларусь) и др.

С финансовой сферой связана и **проблема закрытия или сложности открытия банковских счетов** как белорусских организаций, так и активистов за границей после начала войны, когда гражданство Беларуси стало для многих банковских учреждений достаточным критерием для отказа в открытии счета.

Внутри Беларуси проблемой являются **проверки ОГО** различными органами власти. Количество таких проверок, по мнению собеседников, существенно увеличилось (так, приводился пример, как организацию, которую в последний раз проверяли более десяти лет назад, в течение последних двух лет проверили более десяти раз). Зачастую проверки сопровождаются давлением на руководство и сотрудников организации, склонением к сотрудничеству.

Интервьюируемые из Беларуси много говорили о **сложной общественной и психологической обстановке** как в стране, так и в их окружении, которая оказывает негативное влияние на их деятельность. Отмечалась ситуация страха, неопределенности, растерянности, утраты доверия, атмосферы подозрительности, негативного отношения друг к другу и своим целевым группам и психологических сложностях. Говорилось о том, что не хватает открытой информации о том, почему и когда происходят аресты и задержания. Вряд ли подобные знания смогут помочь осознать логику репрессий и предпринять какие-то упреждающие действия в случае возникновения угроз в сфере безопасности, но, вероятно, они нужны некоторым остающимся в стране активистам для рационализации и принятия окружающей действительности. Все эти проблемы понятны и объяснимы в контексте репрессий, однако они создают крайне сложную атмосферу для работы.

Для активистов как внутри, так и за пределами страны актуальной и значимой является **проблема получения виз** как для них самих, так и для их родственников. Война в Украине привела к ухудшению и без того сложной ситуации с выдачей виз для белорусов. В результате многие белорусские активисты, которые находятся или в Беларуси, или вне Шенгенского пространства, имеют крайне ограниченные возможности для получения виз. Для людей в Беларуси это только усугубляет проблему безопасности, потому что для них сам факт наличия визы является некоторой возможностью (необязательно реализуемой) в случае необходимости быстро уехать. Для активистов/активисток, проживающих вне стран Шенгенского пространства, отсутствие визы означает невозможность участия в мероприятиях, проводимых в ЕС. Крайне актуальной является проблема отсутствия виз для родственников активистов/активисток в Беларуси и за рубежом. В случае первых важно иметь возможность выехать семьей; в случае вторых – встретиться со своими близкими. Существующие в странах наибольшей концентрации белорусских активистов (Литве, Польше и Грузии) возможности получения визы хотя и функционируют, но ограничены. Часто в их получении помогают скорее личные связи, чем понятные и работающие механизмы.

Параллельно с проблемой виз для активистов существует проблема получения виз для участников/участниц организуемых ОГО мероприятий. Часто со стороны тех, кто занимается вопросами виз, звучит требование гарантировать безопасность участников, отсутствие у них рисков контактов с белорусскими спецслужбами и пр., что фактически невозможно сделать. Эта ситуация показывает расхождение между политическими декларациями, призывающими белорусские ОГО работать на целевые группы внутри Беларуси, и практикой *де-факто*, когда ОГО не могут организовать приезд людей из Беларуси, в результате чего программы вынужденно перефокусируются на белорусов, уже выехавших за рубеж. Замена мероприятий онлайн форматами при этом не является продуктивной и результативной.

2.5 Взаимоотношения с властями, политическими и другими акторами

Хотя в большинстве случаев – особенно, если речь идет о выехавших из страны – взаимодействие белорусских ОГО с госорганами прекратилось, из этой тенденции есть определенные исключения. Так, в случае некоторых организаций, которые ранее (до 2020

года) взаимодействовали с госорганами относительно успешно, их представители говорят, что по-прежнему получают приглашения на какие-то символические либо относящиеся непосредственно к их деятельности мероприятия, где их могут попросить выступить. В случае символических событий организации могут выбирать стратегию неучастия, чтобы не легитимизировать своим присутствием такие мероприятия и чиновников. Аналогичная стратегия действует в случае государственных СМИ. Однако в случае каких-то практико-ориентированных мероприятий организации могут участвовать и считают для себя такое участие допустимым. Это вновь возвращает к дискуссии о том, как оценивать подобного рода контакты, но сами представители ОГО считают их возможными и не делающими их «коллаборантами» с властями. По мнению интервьюируемых, к взаимодействию с органами власти приглашают те организации, которые не находятся «под особым вниманием», т.е. представляются безопасными организующими встречу чиновникам.

Параллельно упоминалось о том, что в случае, если организациям в Беларуси нужно какое-то содействие со стороны госорганов, они часто сталкиваются с крайне настороженным и даже презрительным отношением, когда чиновники считают их «врагами» (отмечая, что подобная тенденция существовала и раньше, но она усилилась в последнее время).

Вместе с тем представители организаций в Беларуси указывают, что у них есть и форма «взаимодействия», от которой они не могут особо отказаться. Это прежде всего различные проверки и вызовы.

Из интересных моментов, касающихся политики белорусского государства в отношении ОГО, можно упомянуть следующий. Один из собеседников делился информацией о том, что на уровне местных органов власти в 2022 году проходит большое количество совещаний для сотрудников этих органов по поводу привлечения иностранной помощи. Хотя и не совсем ясно, от каких именно организаций планируется получать эту помощь. Вместе с тем, как минимум одна из крупных международных организаций – ООН – и связанные с ней структурные единицы продолжают достаточно активно работать в Беларуси, с определенной долей цинизма декларируя, в том числе, и взаимодействие с гражданским обществом.²³

В отношении взаимодействия с бизнесом внутри страны находящиеся там активисты говорили о том, что больше практически невозможно получить поддержку от госпредприятий на какие-то частные инициативы (например, в сфере искусства). Приводились примеры, когда госпредприятия сначала соглашались, а затем были вынуждены отказываться от такого сотрудничества. Также отмечалось, что, если раньше (до 2020 года) были какие-то возможности получать спонсорские средства от предпринимателей, сейчас они опасаются это делать. Кроме того, платежеспособность самих бизнесов снизилась.

²³ Например, празднование Дня ООН, на котором присутствовал замминистра иностранных дел Беларуси и где говорилось о том, что на мероприятии присутствовали и организации ГО
<https://www.belta.by/society/view/den-oon-otmetili-v-belarusi-531173-2022/>

В отношении альтернативных / оппозиционных / демократических структур у представителей белорусских ОГО есть различные мнения. Сотрудничество с ними остается ограниченным. Также высказывалось мнение об абстрагировании многих ОГО от политических структур и о работе исключительно с собственной повесткой. Вместе с тем признается, что политические субъекты могут влиять (и уже влияют) на выделение и, по мнению интервьюируемых, на распределение донорской поддержки в секторе. Поэтому между ОГО и политическими структурами может выстраиваться коммуникация. Также есть примеры взаимодействия ОГО с политиками: например, подготовка доклада о Целях устойчивого развития (ЦУР).

2.6 Потребности ОГО в поддержке

Основные потребности остаются прежними: **поддержка развития организаций (capacity building), развитие менеджерской составляющей и повышение компетенций, обеспечение безопасности.** При этом говорилось о необходимости разработки/совершенствования политики безопасности организаций: поддержка выработки протоколов, алгоритмов действий как для самих активистов, так и для участников их мероприятий.

Также со стороны организаций и из Беларуси, и за пределами (но особенно в первом случае) звучит запрос на **поддержку проведения выездных стратегических сессий**, а также программ краткосрочной или даже среднесрочной реабилитации, на которые можно было бы выехать не только активистам, но и их семьям. Программы реабилитации актуальны для всех белорусских активистов, независимо от места их пребывания. По-прежнему востребованной является психологическая помощь, борьба с выгоранием и пр. Среди активно озвучиваемых потребностей – **визовая поддержка**, как для активистов и их семей внутри Беларуси, так и для семей релоцированных активистов.

Требования к механизмам поддержки (в той части, где они понятны) тоже не меняются: **гибкое финансирование, институциональная поддержка, минимизация и оптимизация отчетности**, особенно документальной, реальная (а не формальная) **оценка рисков реализации проектов, соблюдение информационной безопасности** со стороны доноров и партнерских организаций. Приводились примеры, когда донорские организации общаются с грантополучателями в полностью анонимном формате, что создает у них ощущение тревожности, потому что получается, что с донорской стороны об активистах известно практически все, а они не понимают даже, с кем общаются.

Отдельно звучит **необходимость учета переезда организаций и активистов при планировании объемов поддержки** со стороны доноров. Обращается внимание на то, что ранее выделявшиеся для организаций суммы недостаточны, если ОГО переезжает и начинает действовать за границей. Учет более высокой стоимости жизни, налогов необходим и при расчете зарплаты для белорусских активистов и активисток за рубежом. Поскольку многие из них являются *де-факто* политическими беженцами, они не могут распоряжаться собственным имуществом в Беларуси, которое часто арестовано или конфисковано, что создает ситуацию еще большей материальной нестабильности.

В случае ликвидации организации внутри Беларуси нужна материальная поддержка этого процесса, потому что он также требует определенных расходов. Звучало также предложение о выделении своего рода «пакетов индивидуальной помощи» в случае, если организацию закрыли, а людям нужно несколько месяцев на восстановление и поиск новой работы. Кроме того, есть **потребность в программах переобучения, получения новых квалификаций** для людей, которые вынуждены были уйти из третьего сектора или переехать в другую страну. Также выдвигались идеи о поддержке индивидуальных экспертов (людей, обладающих экспертизой в определенных областях) в случае, если они потеряли работу в секторе.

Высказывалась необходимость провести своеобразную ревизию и узнать, **есть ли потребность в компенсации или закупке техники** (компьютеров, телефонов, планшетов и пр.) в случае, когда они были изъяты.

Для организаций внутри страны по-прежнему актуальна **поддержка в оплате аренды помещений.**

Для релоцированных активистов актуален запрос на **организацию бесплатных или поддержку оплаты языковых курсов.**

Из важных потребностей, которую озвучил один из собеседников, можно обозначить **необходимость знать о результатах применения донорами проводимых (достаточно многочисленных) оценок потребностей.** Поскольку сейчас, по его словам, складывается впечатление, что после проведения оценок их результаты или не используются вообще, или используются ограниченно. Отмечалось, что не хватает мнения учета потенциальных получателей при формировании политики оказания помощи.

В ряде случаев собеседники говорили о приоритете поддержки образовательных мероприятий и росте запроса на них со стороны общества. Это отмечали, в частности, экологи и организации, занимающиеся местным самоуправлением. Однако открытым остается вопрос, на самом ли деле это рост запроса со стороны целевых групп, либо это рост предложения в силу того, что онлайн образование – одна из немногих оставшихся возможностей контактировать с целевыми группами и выполнять свою миссию.

2.7 Удовлетворенность существующими программами поддержки и отношения с донорами

Международные программы поддержки остаются основным источником финансирования ОГО. Возможно, что в среднесрочной перспективе скажется эффект влияния начала войны в Украине и перераспределение донорских ресурсов. Однако на сегодняшний день выглядит так, что ресурсов, выделяемых разными донорами на поддержку ОГО, достаточно, если не избыточно. Такое мнение озвучивалось теми, кто находится за границей, мнение собеседников в Беларуси по этому поводу было другим, они говорили о недостатке поддержки, а в некоторых случаях даже о незнании программ поддержки, а также о росте конкуренции за донорские ресурсы.

Проблемы часто возникают с использованием средств, особенно если мы говорим о деятельности в Беларуси, где анонсировано дальнейшее изменение законодательства, которое может окончательно делегалить любую финансовую поддержку общественной деятельности и деятельности ОГО. При этом часть организаций (особенно в социальном секторе, местного развития, локальные сообщества) очевидно не способны будут воспользоваться никакими иными механизмами получения ресурсов, кроме легальных.

В целом и «старые», и «новые» ОГО говорили о том, что у многих сложились хорошие и функциональные отношения с донорами. Важным в этом отношении является гибкость донорских организаций, их готовность предпринимать действия в соответствии с получаемыми запросами. При этом говорилось, что крупные фонды часто не идут на такие уступки и продолжают требовать от белорусских организаций полной подотчетности и прозрачности, включая списки участников мероприятий, паспортные данные и пр. В результате таких требований складывается ситуация, когда организациям легче работать с релоцированными белорусами, чем с целевыми аудиториями внутри страны.

Высказывалось мнение о том, что поддержка со стороны доноров в отношении белорусов, белорусских организаций и проектов уменьшается, поскольку некоторые доноры переориентируют свои программы на Украину. Это оценивается как обоснованный и понятный шаг, но вызывает озабоченность у ряда интервьюируемых. Однако другие собеседники не разделяли этой оценки и говорили о сохранении объемов поддержки для Беларуси.

Также говорилось о том, что для доноров было и, возможно, остается определенным вызовом верификация «новых» структур, возникших в 2020 году и позже. При этом ценностные установки лидеров и членов этих новых структур могут быть весьма различными. Многообразие возросло после начала войны, когда появились как военизированные структуры, так и волонтерские структуры и инициативы, поддерживающие их деятельность. В целом указывалось, что доноры ориентируются в этих структурах, но это может вызывать определенные сложности.

Таким образом, материалы фокус-групп и интервью демонстрируют существующие и усугубляющиеся расхождения между теми в гражданском обществе, кто остался в Беларуси, и теми, кто уехал. У этих групп организаций и активистов различаются модальности существования и деятельности, проблемы и потребности. Война в Украине очевидно оказала большое влияние на белорусское гражданское общество, независимо от места нахождения организаций, однако этот эффект выражается во множественных и разнообразных последствиях. Основные потребности ОГО по-прежнему находятся в русле организационной и институциональной поддержки, ожидания гибкого подхода от доноров с учетом сложного контекста, а также запросов на помощь в сфере безопасности, психологической поддержки и разнообразной поддержки на индивидуальном уровне (от достаточной оплаты труда до предоставления виз для активистов и их родственников). Ситуация организаций в Беларуси остается более чем сложной и кризисной с проявлением тенденций на возможное еще большее увеличение негативного влияния государства на сферу гражданского общества.

3. НИЗОВЫЕ АКТИВИСТЫ И СООБЩЕСТВА: РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСА

Чтобы проанализировать сферы деятельности, проблемы и потребности низовых сообществ и активистов в Беларуси, мы опросили 116 активистов. Опрос проходил в электронном виде при помощи одной из инициатив, занимающихся местными сообществами, в период с 20 по 26 сентября 2022 года.

Для анализа динамики ситуации в низовых сообществах мы сравниваем полученные данные с результатами нашего опроса, проведенного в июле 2021 года²⁴.

Поскольку отсутствует информация о генеральной совокупности (мы не знаем реальные демографические характеристики всех участников низовых сообществ), нельзя говорить о репрезентативности полученной выборки. Однако по социально-демографическому профилю она соответствует протестной аудитории согласно данным Народного опроса²⁵. Значит, по полученным ответам мы можем судить о ситуации в активистской среде, формирующейся из этой протестной части общества. Среди опрошенных преобладают люди среднего возраста с высшим образованием (81%) и жители Минска (58% находящихся в Беларуси).

Большая часть опрошенных проживает в Беларуси (72%), часть – за границей (25%). Около трети респондентов (29%) являются членами устойчивых сообществ, а большинство (71%) участвует в отдельных кампаниях и инициативах (рис. 1).

Демографические данные участников опроса находятся в Приложении.

Рис. 1. Принимаете ли Вы участие в деятельности каких-либо устойчивых (сложившихся уже какое-то время назад, регулярно встречающихся) сообществ или инициатив (соседское или «дворовое» сообщество, независимый профсоюз, профессиональное или студенческое сообщество и т. п.)?

²⁴ «Новые сообщества»: актуальное состояние и потребности / VIPART // Гражданское общество в Беларуси в ситуации политического кризиса: состояние и вызовы: отчет по результатам исследования. – 2021. – С. 29-54. https://sympa-by.eu/sites/default/files/library/needs_assessment_full_survey_full_version_rus_0.pdf

²⁵ Народный опрос <https://narodny-opros.net/>, 2022.

В соответствии с уровнем вовлеченности в активизм мы разделили аудиторию на две части. В первом разделе представлен анализ ситуации в низовых сообществах на основе ответов их активных участников (29%). Во втором разделе на основе ответов индивидуальных активистов (71%) представлен анализ ситуации в активистской среде.

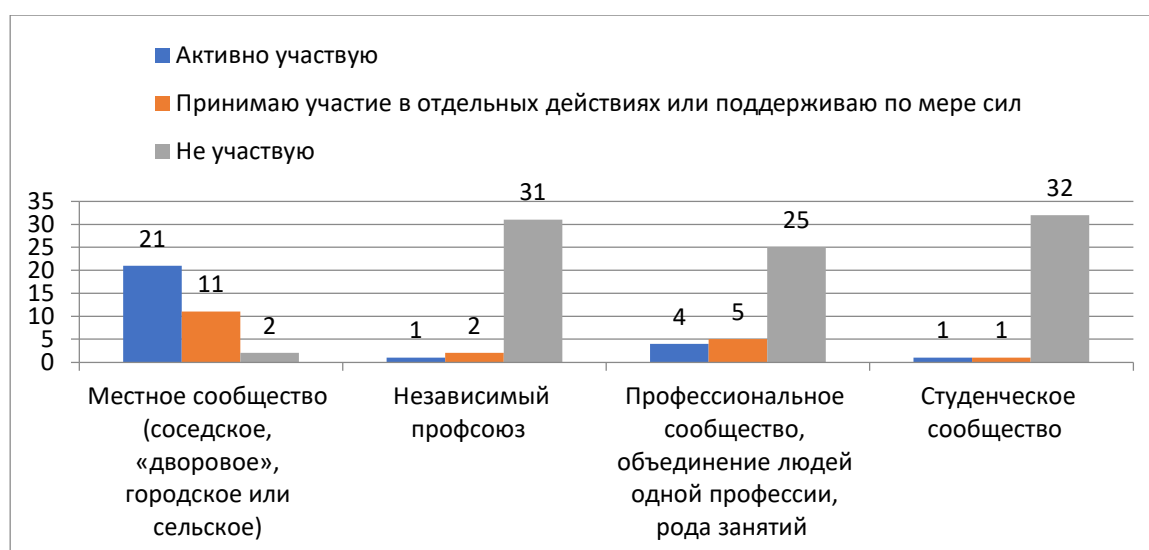
3.1 Ситуация в активистских сообществах

В первой части раздела мы проанализируем деятельность низовых сообществ, их виды, активности и связи, во второй части – проблемы и потребности. Наиболее популярной формой объединений являются местные сообщества, занятые главным образом поддержкой репрессированных и информационно-просветительской работой. Их проблемы и потребности связаны в основном со сложностями действовать в репрессивной среде.

Наиболее популярная форма низовых объединений среди респондентов – местные сообщества (рис. 2). В них активно участвуют 62%, еще 32% вовлекаются в отдельные действия и поддерживают по мере сил. Второе место с большим отрывом занимают профессиональные сообщества, в которые тем или иным образом вовлекаются 26% опрошенных.

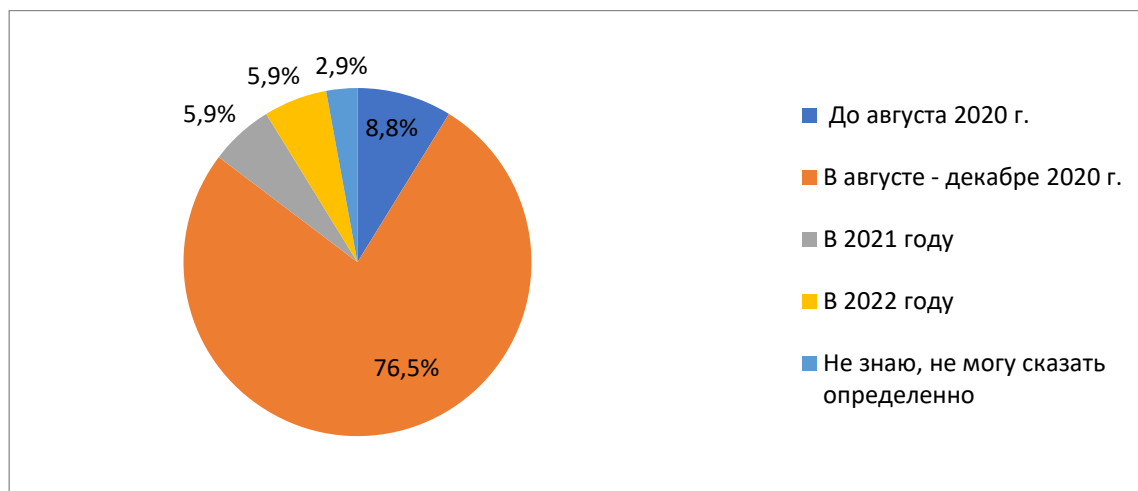
Представленные в разделе данные отражают ситуацию главным образом в местных сообществах: дворовых и районных объединениях. О них давали ответы 79% респондентов – столько считают деятельность в таких сообществах основной для себя. Еще 9% отвечали о своих профессиональных объединениях и по 6% – о культурных инициативах и диаспорах.

Рис. 2. В деятельности каких сообществ или инициатив Вы принимаете участие? (чел.)

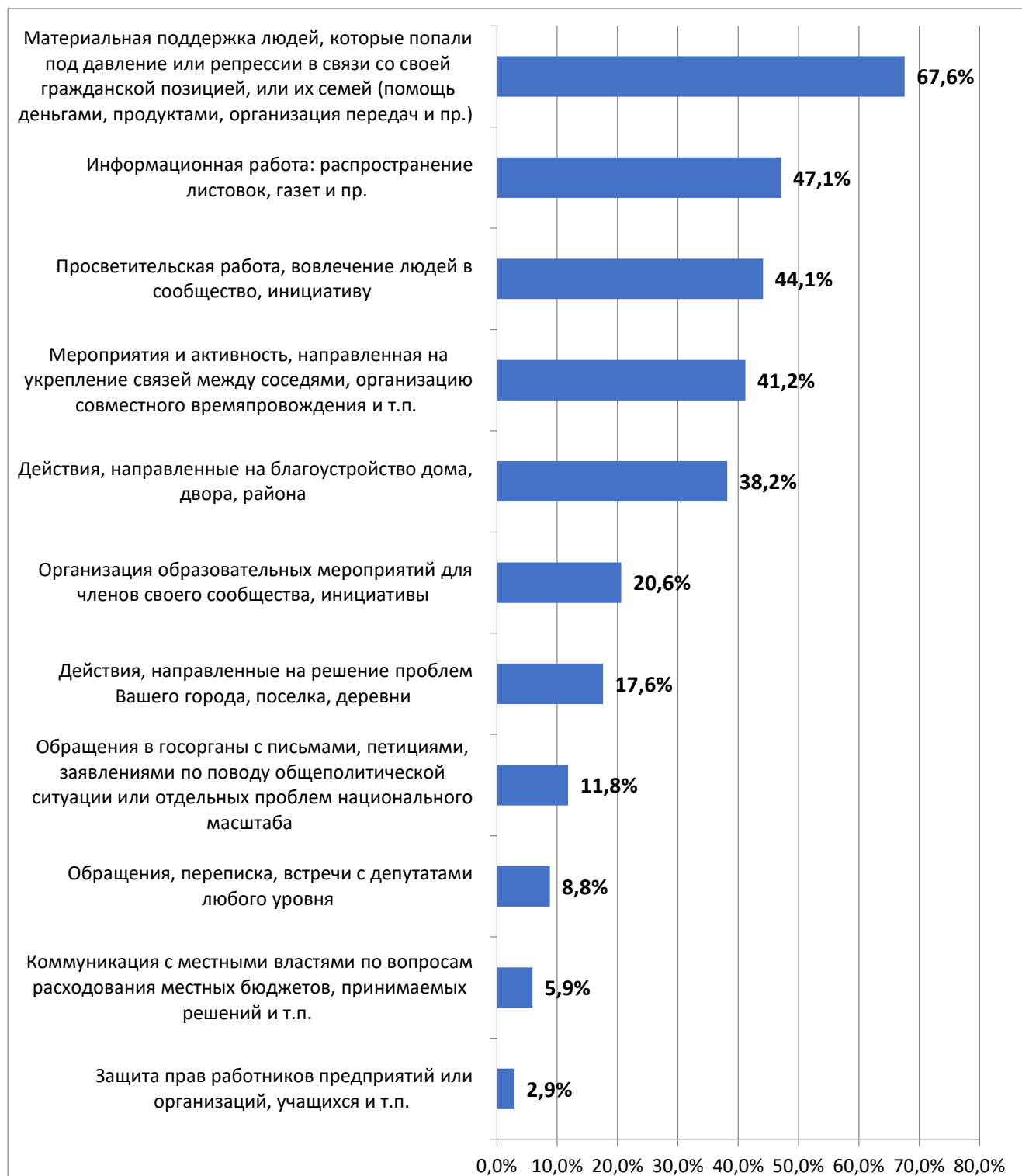
Подавляющее большинство (76%) отмечают, что их сообщество было создано в августе – декабре 2020 года (рис. 3), что соответствует пику возникновения дворовых сообществ.

Рис. 3. Как давно появилось Ваше сообщество, инициатива?

В последние три месяца низовые сообщества чаще всего занимались материальной поддержкой репрессированных, ее отмечают 68% респондентов (рис. 4). Также распространена информационная (47%) и просветительская (44%) работа, укрепление соседских связей (41%) и благоустройство (38%). В сравнении с прошлым годом, сообщества перестали проводить акции солидарности с политзаключенными, в остальном список наиболее распространенных направлений остался без изменений.

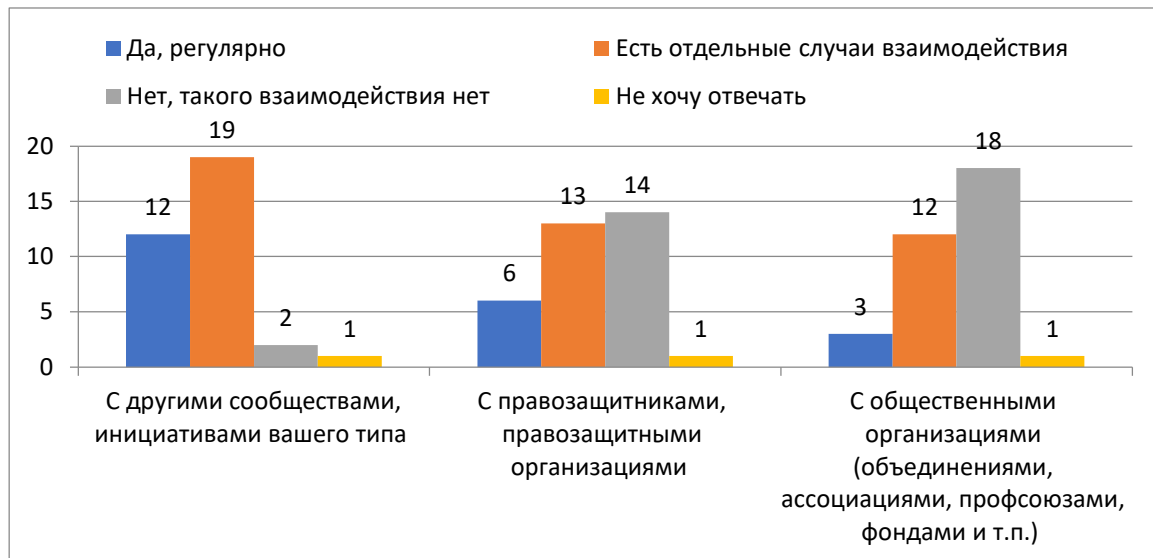
Рис. 4. Какие направления или формы активности реализовывались в последние три месяца Вашим сообществом, инициативой?

Некоторые сообщества (20%) планируют расширять активность, например, в сфере выпуска печатной продукции, поддержки Украины, белорусской культуры, зеленой тематики и самоорганизации диаспор.

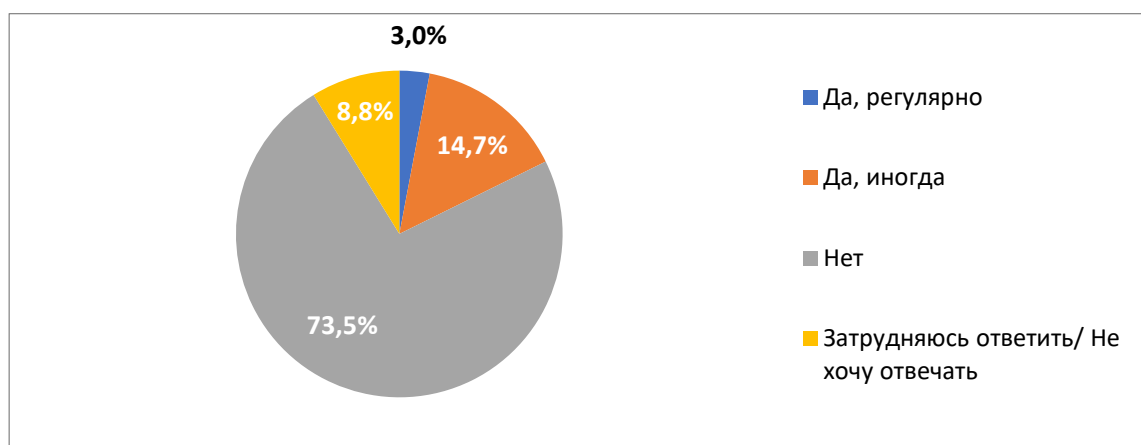
Большинство сообществ взаимодействуют с объединениями из своей же сферы (рис. 5): 35% на постоянной основе и 56% в отдельных случаях. Есть также сотрудничество с правозащитниками (56% с разной интенсивностью) и общественными организациями (44%).

Рис. 5. Взаимодействует ли Ваше сообщество, инициатива с другими организациями и сообществами? (чел.)

С бизнесом сообщества взаимодействуют значительно реже: только 18% делают это хотя бы иногда (рис. 6).

Рис. 6. Взаимодействует ли Ваше сообщество с бизнесом?

Таким образом, наиболее распространенная среди опрошенных форма низовых объединений — местные сообщества, созданные с августа по декабрь 2020 года. Сообщества занимаются главным образом помощью репрессированным, просветительской и информационной деятельностью, укреплением соседских связей и благоустройством. Почти все низовые сообщества взаимодействуют с аналогичными объединениями, около

половины — с правозащитниками и общественными организациями и лишь малая доля — с бизнесом.

3.2 Проблемы и потребности сообществ

Главные проблемы низовых сообществ — это отсутствие представления об эффективных формах деятельности (68%). Вероятно, это связано со сложностью действовать в репрессивной среде: невозможность найти безопасный формат работы отмечают 65% респондентов и столько же — проблему репрессий против участников сообщества. Больше трети респондентов отмечают также недостаток финансов, нехватку координации с другими сообществами и отсутствие притока новых людей (рис. 7). В сравнении с 2021 годом, репрессии и недостаток эффективных форм деятельности остаются среди наиболее распространенных, еще сильнее обострилась проблема нехватки безопасных способов действий.

Рис. 7. С какими основными проблемами сегодня сталкивается Ваше сообщество, инициатива?

Недостаток компетенций у участников сообщества среди актуальных проблем отметили 23% опрошенных активистов. Наиболее востребованные навыки — цифровая безопасность (35%) и умение выявлять интересы целевой аудитории (32%). Также распространена потребность в навыках планирования (26%), информационной работы (21%) и обращения с финансами (21%) (рис. 8). Потребность в навыках цифровой безопасности остается на первом месте с прошлого года, а запрос на умение вести просветительскую и информационную работу несколько снизился.

Рис. 8. Каких практических навыков, умений не хватает Вам и членам Вашего сообщества, инициативы?

Среди знаний наиболее востребована правовая грамотность: 59% отмечают собственную потребность и 47% считают, что этих знаний не хватает другим участникам сообщества (рис. 9). На втором месте знания в сфере безопасности, причем активисты значительно чаще ощущают нехватку таких знаний среди других (50%), чем для себя (27%). Также активисты низовых сообществ выражают значительный интерес к знаниям в области белорусской истории и культуры, международных отношений и политических институтов. Наиболее распространенные потребности в знаниях не изменились с прошлого опроса в июле 2021 года.

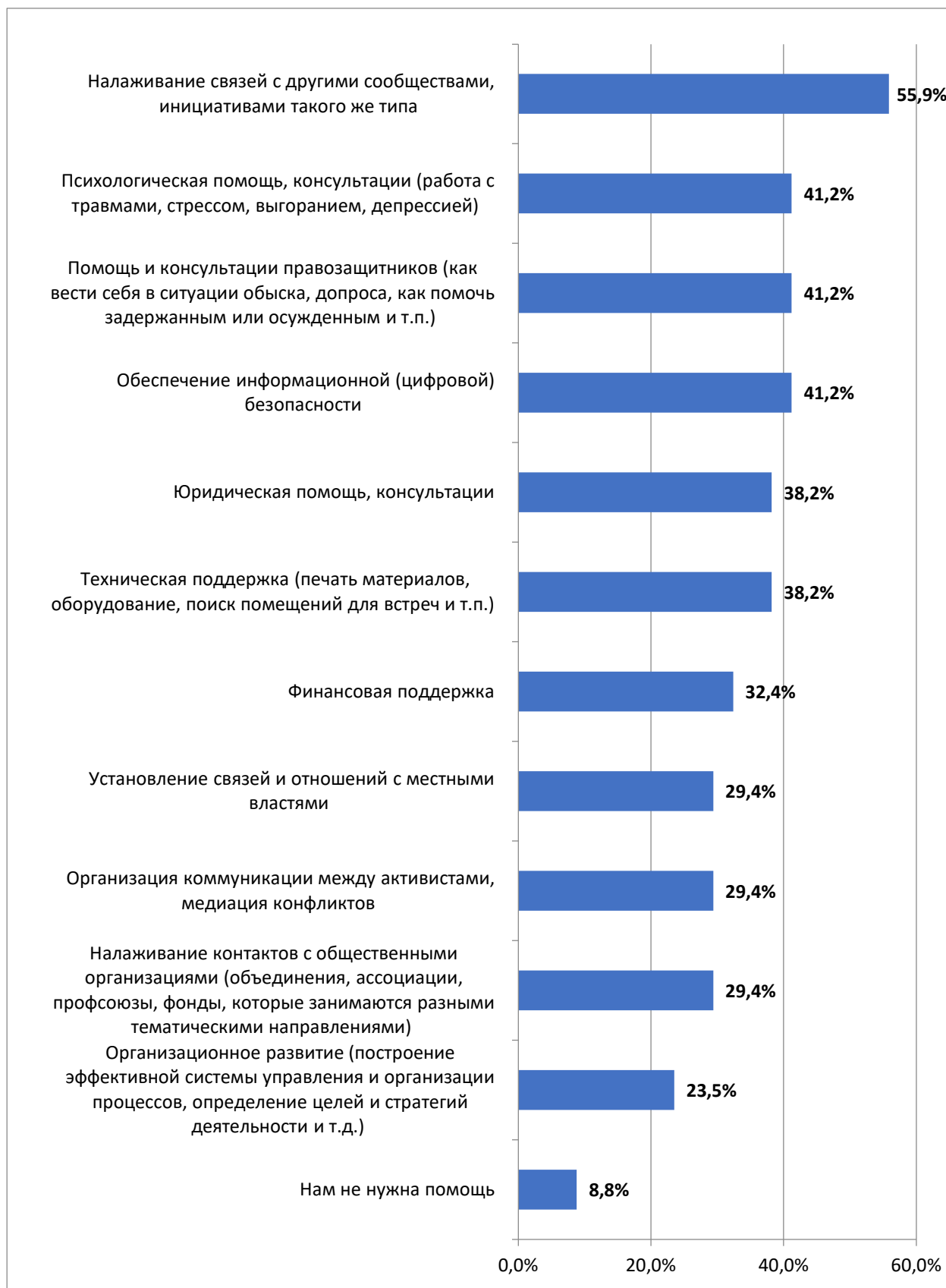
Рис. 9. Востребованные знания

Источник: ответы на вопросы «Ощущаете ли Вы лично нехватку знаний в следующих областях?» и «А каких знаний сегодня больше всего не хватает членам Вашего сообщества или инициативы, по Вашему мнению?»

Чаще всего сообщества нуждаются в помощи по налаживанию связей с другими сообществами (56%). Распространена также потребность в психологической поддержке (41%) и помощи с безопасностью: консультации правозащитников (41%), информационная безопасность (41%) и юридические консультации (38%) (рис. 10). Структура потребностей в помощи существенно изменилась с 2021 года. Расширился спектр запросов в области безопасности: в 2021 году речь шла главным образом о информационной безопасности. При этом налаживание связей с другими сообществами остается вверху списка.

Рис. 10. Какая помощь нужна Вашему сообществу, инициативе?

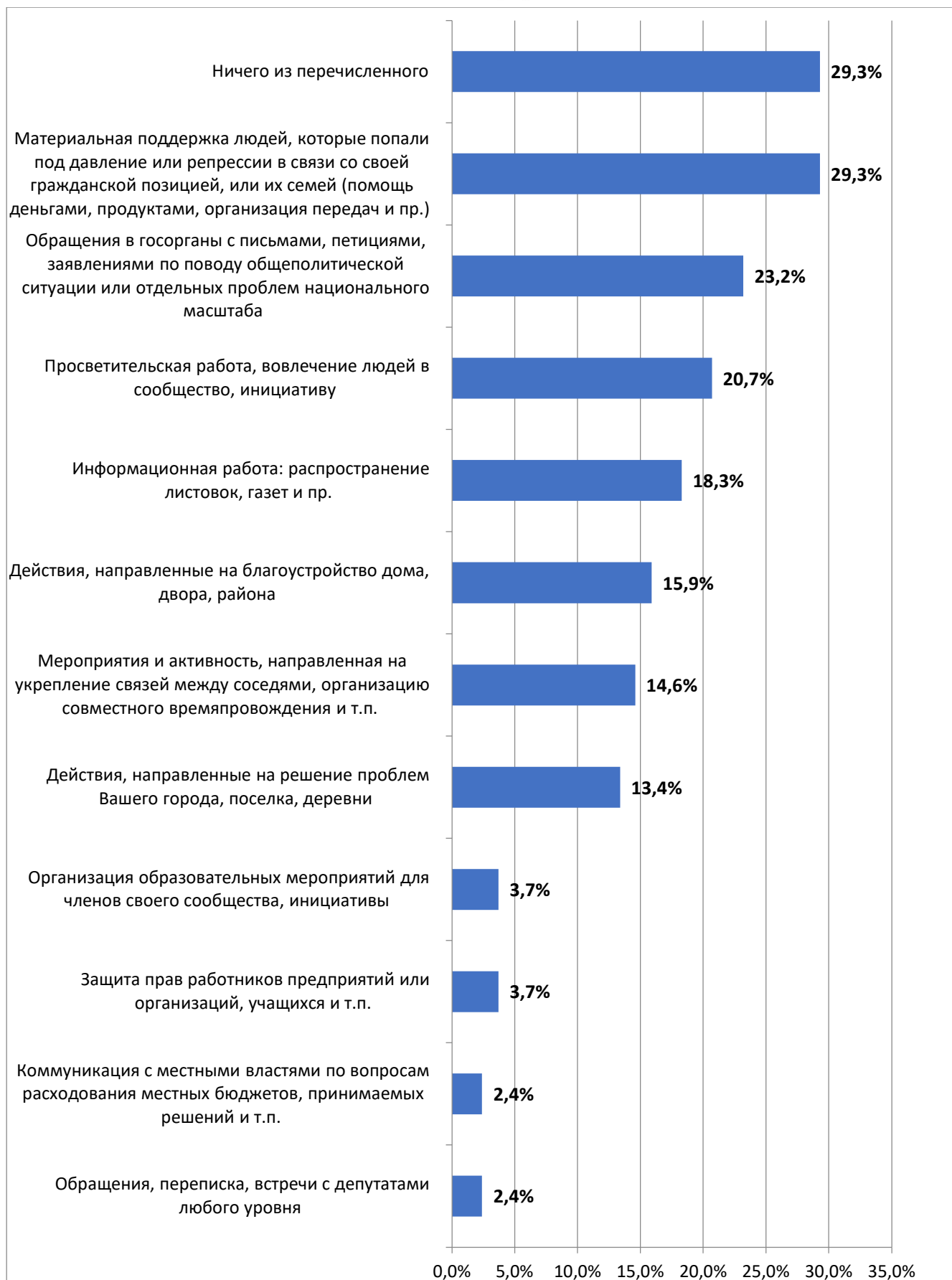

Таким образом, главная проблема низовых сообществ — это сложность с налаживанием эффективной работы в репрессивной среде. Поэтому большинство наиболее популярных потребностей связаны с обеспечением безопасности активистов: знания и навыки в области информационной безопасности, правовая грамотность, помощь правозащитников, юридические и психологические консультации. Актуальны также навыки работы с целевой аудиторией и планирования, налаживание активистских связей, знания в области белорусской культуры, общие знания о политике.

3.3 Сферы деятельности, проблемы и потребности активистов

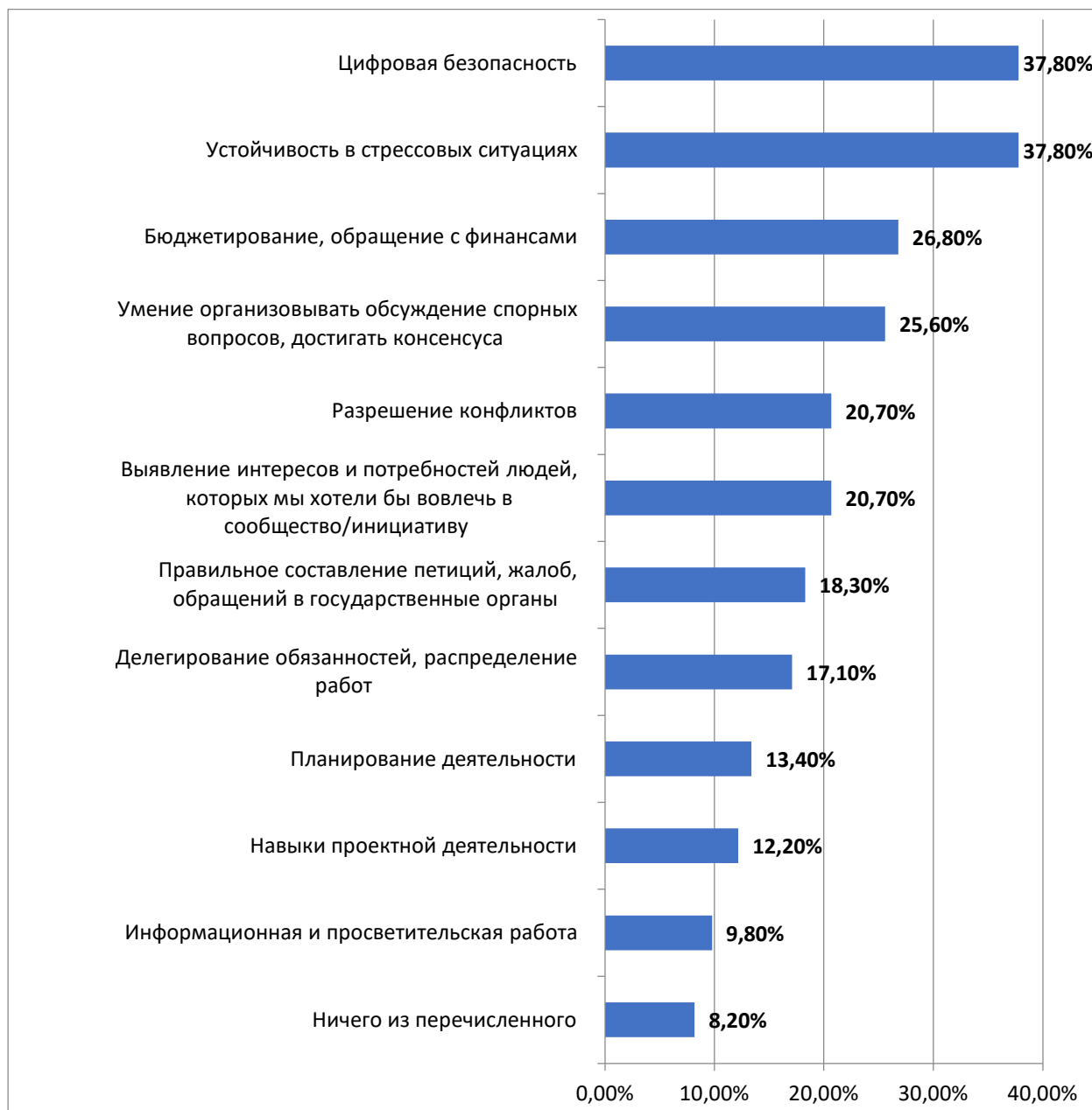
Наиболее распространенные формы активности: материальная поддержка репрессированных (29%), обращение в госорганы (23%) и просветительская работа (21%). При этом почти треть респондентов (29%) не были вовлечены в какую-либо активность в последние три месяца (рис. 11). Говоря о планах на ближайшее будущее, почти никто из опрошенных не видит возможностей для новых форм деятельности.

Рис. 11. В каких инициативах или активностях Вы принимали участие в последние три месяца?

Навыки цифровой безопасности (38%) и устойчивости в стрессовых ситуациях (38%) — это два наиболее частых запроса среди активистов. Помимо них около четверти отмечают навыки бюджетирования и организации обсуждений (рис. 12).

Рис. 12. Каких практических навыков, умений Вам не хватает?

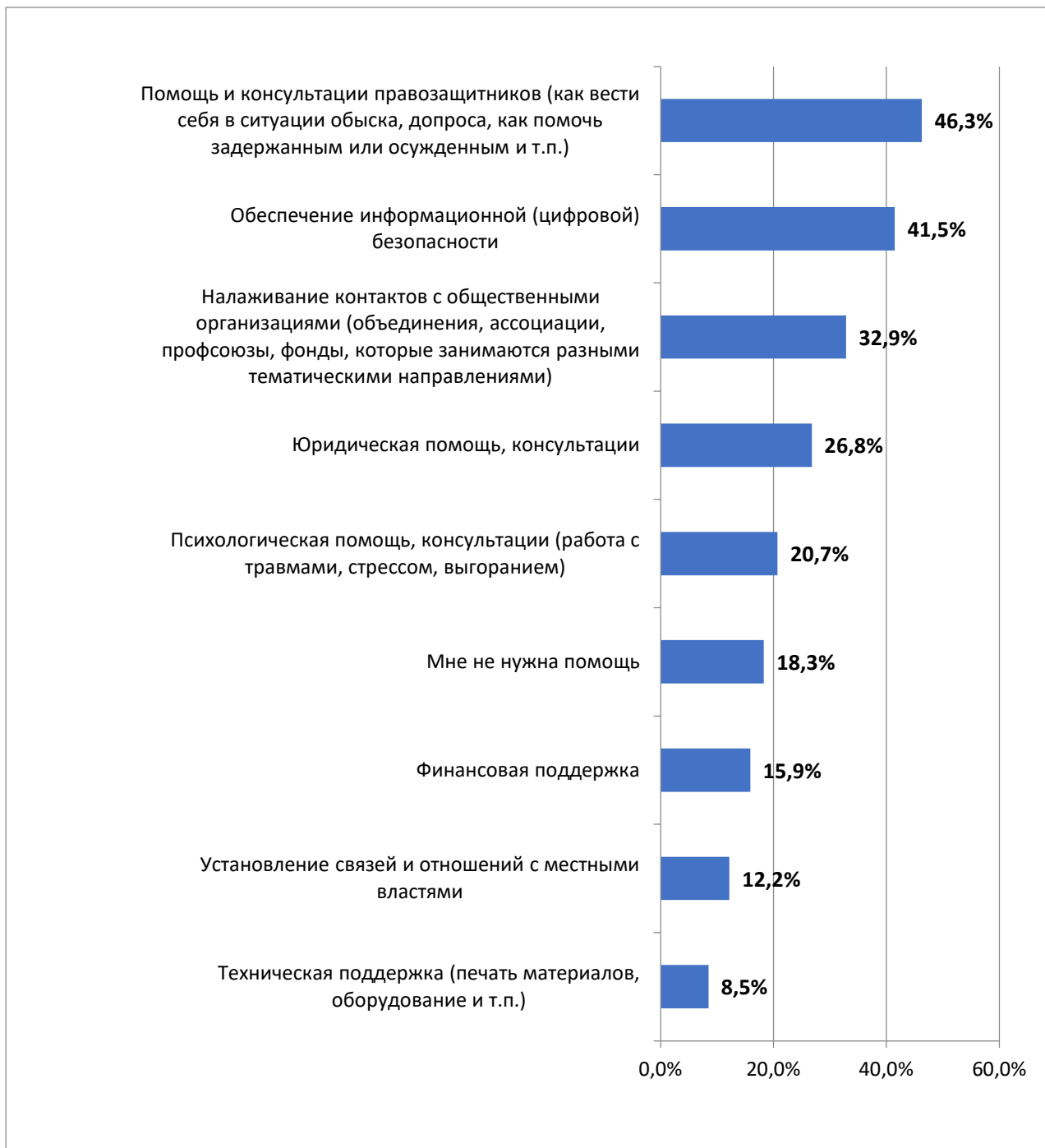
Как и в случае с навыками, наиболее востребованные знания связаны с безопасностью: 77% отмечают нехватку юридических знаний и 43% — знаний в сфере безопасности (рис. 13). Распространен также интерес к знаниям в области белорусской культуры (43%), международной политики (40%) и экономики (40%).

Рис. 13. Ощущаете ли Вы лично нехватку знаний в следующих областях?

Потребности безопасности выходят на первый план и в вопросе о требуемой помощи: 46% отмечают потребность в консультациях правозащитников, 41% – помощь в обеспечении информационной безопасности (рис. 14), 27% – юридические консультации. Треть респондентов (33%) отмечают также потребность в налаживании связей с общественными организациями.

Рис. 14. Какая помощь нужна была бы Вам для более эффективного участия в различных кампаниях и инициативах, направленных на перемены в стране?

Таким образом, как деятельность, так и потребности активистов связаны главным образом с противостоянием репрессиям.

Так, около трети занимаются материальной поддержкой репрессированных, а еще треть — не активны в последнее время. Из другой деятельности распространены

обращения в госорганы, просветительская и информационная работа. Этим занимается примерно каждый пятый опрошенный активист.

Чаще всего опрошенные активисты нуждаются в знаниях и навыках в области информационной безопасности, психологической устойчивости в стрессовых ситуациях, правовой грамотности, востребованы консультации правозащитников. Также активисты заинтересованы в получении организационных навыков.

Резюмируя результаты опроса, отметим, что деятельность, проблемы и потребности низовых сообществ и активистов связаны главным образом с репрессивной средой. При этом достаточно распространена информационная и просветительская работа, интерес к организационным компетенциям, знаниям в области культуры и политики.

Среди активных участников объединений преобладают активисты местных сообществ. Большинство таких объединений возникли после августа 2020 года. Сегодня они заняты главным образом материальной поддержкой репрессированных, просветительской и информационной работой, укреплением соседских связей и благоустройством территории.

- Главная проблема таких сообществ – сложность эффективной работы в репрессивной среде.
- Следовательно, основные потребности связаны с информационной безопасностью и правовой грамотностью, помощью правозащитников, психологическими и юридическими консультациями.
- Распространены также потребности в навыках работы с целевой аудиторией, планированием и налаживанием активистских связей, знаниями в области политики и белорусской культуры. Необходима помощь с финансами и техническим обеспечением.

Схожая ситуация наблюдается и в среде активистов, вовлеченных в деятельность сообществ только время от времени. Чаще всего они занимаются помощью репрессированным, просветительской и информационной работой.

- Основные потребности активистов также связаны с необходимостью действовать в условиях репрессий: цифровая безопасность и стрессоустойчивость, правовая грамотность, инструкции от правозащитников по поведению в случае давления, юридические консультации.
- Активисты также заинтересованы в организационных навыках: бюджетирование, работа с целевой аудиторией, налаживание групповой динамики, построение связей с общественными организациями. Значителен интерес к знаниям в области политики и белорусской культуры.

Таким образом, направленность основного внимания активистов на проблемы безопасности указывает на основной барьер деятельности: репрессии государства. В то же время такой акцент на проблемах безопасности в совокупности с распространенным

интересом к разным формам активностей и компетенций означает стремление части активистов продолжать адаптироваться и действовать.

В сравнении с 2021 годом список наиболее распространенных форм деятельности остался неизменным, за исключением прекратившихся акций солидарности. Основные проблемы и потребности в компетенциях не изменились, хотя снизился запрос на умения вести информационную работу и обострилась нехватка безопасных форм деятельности. Таким образом, в течение последнего года продолжается стагнация низовых сообществ, несколько снижается активность и растут запросы на помощь в обеспечении безопасности.

ВЫВОДЫ

В 2021-2022 годах в Беларуси было проведено достаточно много исследований, связанных с проблематикой гражданского общества. Они фокусируются на различных аспектах его деятельности и различаются как по своей форме, так и по эмпирическому наполнению. Очевидно, что и белорусские эксперты, и сами представители гражданского общества обладают большим массивом эмпирической информации, а также на собственном опыте знают о существующих проблемах. Однако в исследованиях в определенной степени не хватает концептуализации, более глубокого обобщения и проработки данного материала, что помогло бы в лучшем понимании происходящих в Беларуси процессов. Продуктивным направлением может также быть изучение успешных практик реализации целей или преодоления кризисных ситуаций.

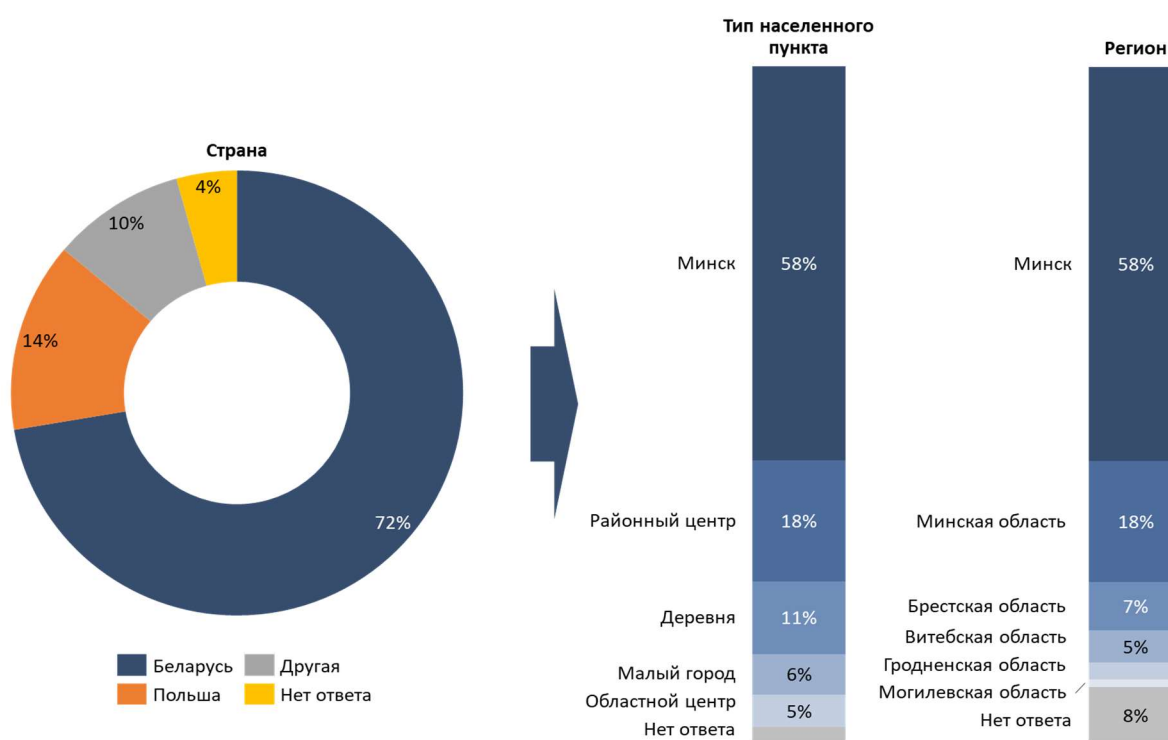
Состояние организованного гражданского общества можно назвать «рутинизацией кризиса». Среда, в которой вынуждены существовать ОГО и местные сообщества, стала еще более репрессивной. Потребности ОГО, а также местных сообществ и активистов в анализируемый период (первая половина 2022 года) во многом совпадали с теми, которые описывались на предыдущих этапах исследования: организационная и институциональная поддержка, гибкий подход со стороны от доноров, помощь в сфере безопасности, психологической поддержки и разнообразной поддержки на индивидуальном уровне. Гражданское общество хочет и делает многое для того, чтобы оставаться единым, однако существует и углубляется дистанция между организациями, релоцированными за границу и оставшимися в Беларуси. У них серьезно различаются условия существования и деятельности, риски, возможности финансирования и потребности. Происходит кластеризация ОГО по странам пребывания. Вместе с тем в отношении повестки почти все белорусские организации гражданского общества сохраняют ориентацию на Беларусь, однако в ряде случаев активности вынужденно переключаются на тех, кто находится за пределами страны. Последнее обстоятельство свидетельствует о противоречии между декларируемыми как самими организациями, так и донорами приоритетами работы и поддержки тех, кто находится внутри страны, и реальными возможностями организаций. Для всех белорусских активистов, независимо от места их нахождения, на индивидуальном уровне важным остается вопрос визовой поддержки как для них самих, так и для их семей.

В отношении активистов и низовых сообществ, которые находятся в Беларуси, достаточно сложно делать заключения, поскольку проведенный в рамках исследования опрос представляет скорее анализ случая (case study). Тем не менее, можно говорить о сохранении среди этой группы запросов на поддержку в сфере обеспечения безопасности, развития сообществ (community building), получения новых знаний и навыков в различных областях. Основной проблемой является поиск форм эффективной и безопасной деятельности в крайне репрессивной среде. Дальнейшие исследования ситуации в низовых сообществах могут быть направлены на изучение актуальных способов удовлетворения потребностей активистов и сообществ, а также выявление эффективных стратегий деятельности в сложившихся условиях.

Приложение. Социально-демографические характеристики выборки (низовые сообщества и активисты)

Большинство попавших в выборку активистов проживают в Беларуси (72%), среди других стран – больше всего в Польше (14%). Проживающие в Беларуси – в основном минчане (58%), однако значительная доля – из небольших населенных пунктов (рис. 15).

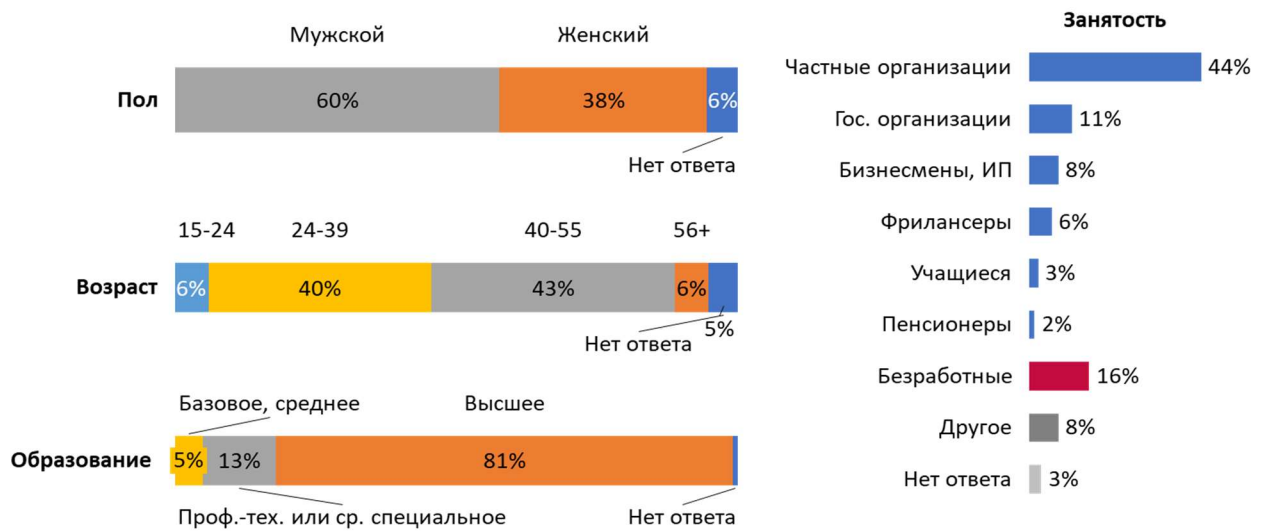
Рис. 15. Место жительства

В настоящее время Вы живете в Беларуси или другой стране? В какой стране вы проживаете (постоянно или большую часть времени)?
Где Вы живете (постоянно или большую часть времени)?
В каком регионе Беларуси Вы живёте?

В выборке несколько больше мужчин (60%), чем женщин (38%), главным образом средние возрастные группы: 24-39 лет (40%) и 40-55 лет (43%). У подавляющего большинства есть высшее образование (81%), наибольшая доля (44%) работает в частных компаниях (рис. 16).

Рис. 16. Основные социально-демографические характеристики

Укажите, пожалуйста, Ваш пол Сколько Вам лет? Какое у Вас образование? Что из перечисленного ниже относится к Вам?